

ВЛАДИМИР ПЕРШАНИН

БРОНЕКАТЕРА
СТАЛИНГРАДА. ВОЛГА
В ОГНЕ

Владимир Николаевич Першанин

Бронекатера

Сталинграда. Волга в огне

Серия «Война. Штрафбат.
Они сражались за Родину»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5008560

Першанин В. Н. Бронекатера Сталинграда. Волга в огне: Яуза, Эксмо;

Москва; 2013

ISBN 978-5-699-62902-2

Аннотация

«За Волгой для нас земли нет!» – клялись защитники Сталинграда, а немцы окрестили великую реку «русским Стиксом»: осенью 1942 года Волга отделяла мир живых от мира мертвых, Волга пылала от берега до берега, кипела от разрывов и текла кровью. Волга стала второй линией фронта, через которую в осажденный город поступали подкрепления и боеприпасы, – и речная война была ничуть не менее ожесточенной, чем в развалинах Сталинграда: переправы непрерывно обстреливались артиллерией и авиацией, горели суда, тонули люди, но, несмотря на чудовищные потери, речники продолжали делать свое дело... И каждую ночь на прикрытии переправ выходили советские

бронекатера с танковыми башнями и зенитными пулеметами, ставшие стержнем сталинградской флотилии. Они жертвовали собой в неравных боях с немецкими бомбардировщиками и береговыми батареями. Они выполняли самые опасные задания и несли самые тяжелые потери. Проламывая ноябрьский лед, они продолжали воевать, когда встали остальные суда, – и погибали смертью храбрых, еще не зная, что наши войска перешли в решающее контрнаступление, которое сломает хребет Вермахту, что мы уже победили...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	33
Глава 3	68
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Владимир Першанин

Бронекатера

Сталинграда. Волга в огне

Глава 1

Ночные переправы

Небольшой буксир, напрягая все свои лошадиные силы, с усилием сдвинул огромную по сравнению с ним деревянную баржу, набитую красноармейцами. Возле причала царил суeta: подходил для погрузки пароход, толкались мелкие сейнеры и мотоботы.

Бронекатер «Верный», уже загруженный людьми, на малом ходу выбрался из причального столпотворения, но не торопился развивать ход. Ему предстояло сопровождать баржу, «прикрывать ее», как выразился полковой комиссар, который вместе с флотскими начальниками распоряжался на левобережной пристани поселка Красная Слобода, напротив Сталинграда.

Сентябрьская ночь была безлунной и безветренной, но тихой назвать ее было нельзя. Из продолжавшего гореть во многих местах города били немецкие орудия, установленные

на склонах высот, спускавшихся к Волге. Далекие вспышки сверкали непрерывно, поодиночке и залпами. Снаряды, с жутким на излете воем, проносились над бронекатером, и спустя секунды раздавался очередной взрыв.

Сюда, откуда начиналась переправа, немцы не сыпали мелочовку. Чаще всего прилетали 105-миллиметровые снаряды. Весившие около пуда, они поднимали высокие столбы воды и песка, а когда попадали в причал или какое-то судно, все вокруг озарялось клубком пламени.

Тяжелые шестидюймовые и 173-миллиметровые орудия вели более редкий огонь, но их фугасы и осколочные снаряды рвались с оглушительным грохотом, который не спутаешь с другим калибром. Попадая в причалы, они разносили в щепки массивные дубовые бревна и плахи, а из воды выкидывали вверх огромные бугорчатые фонтаны, где смешивались песок, ил, густая мутная жижа и всевозможные обломки со дна.

Для деревянных судов, даже большого водоизмещения, эти снаряды были смертельно опасны. Они порой разламывали баржу или пароход, и те тонули за считанные минуты. Но активность немецких артиллеристов сдерживали наши тяжелые батареи, ведущие огонь из пойменного леса на левом берегу.

Очередной фонтан поднялся метрах в семидесяти. Командир бронекатера «Верный» мичман Николай Морозов наблюдал из рубки, как буксир выводит баржу, умело дей-

ствуя парой тросов.

«Верный», как и его собратья, хоть и назывался бронекатером, но броня на нем была противопульная, и любой снаряд, который посылали сюда немцы, мог при удачном попадании вывести небольшой корабль из строя. Главная защита бронекатера – быстрота и маневренность. А сейчас, загруженный красноармейцами и боеприпасами, уменьшив ход до минимума, он топтался на месте, превращаясь в мишень.

Защитить от массированного артиллерийского огня баржу, которая шла со скоростью четыре узла (около восьми километров в час), «Верный» с его двумя 76-миллиметровыми горными пушками, установленными в башнях легких танков, все равно бы не смог. Открывать огонь по дальним ночным целям бессмысленно, только выдашь катер вспышками и вызовешь огонь на себя.

Снова грохнуло неподалеку. По броне рубки звякнули осколки, калибр вражеского снаряда был не слишком велик. Впереди взлетела и повисла на парашюте осветительная ракета. Такие ракеты фрицы запускали из минометов. Кроме того, над Волгой медленно кружил самолет-разведчик «Фокке-Вульф-189», прозванный за двойной фюзеляж «рамой».

Самолет сбрасывал «фонари», довольно яркие ракеты, тоже на парашютах. Они медленно опускались, раскачиваясь на ветру, освещая реку призрачным неживым светом, и позволяли немецким артиллеристам вести прицельный огонь. По «раме» иногда били зенитки, но достать не могли – само-

лет находился слишком высоко и был хорошо бронирован.

Это была первая ночная переправа, в которой участвовал «Верный». В трюм, кубрик, на палубу загрузили сто сорок бойцов с вооружением, вещмешками, ящиками патронов. Катер заметно осел, груз был велик. Спасибо, что удалось отбрыкаться еще от одного взвода.

– Перевернемся к черту, – наотрез отказался продолжать погрузку Морозов. – Ватерлиния уже под водой.

Он рассчитывал на более-менее приличной скорости преодолеть эти два километра, но полковой комиссар навязал еще и сопровождение. Проявил заботу о барже, где толпились человек семьсот красноармейцев и стояло штук шесть противотанковых «сорокапятков». Да разве можно в этот гроб столько людей напихивать! Для деревянной баржи с ее черепашьей скоростью дойти до правого берега будет большой проблемой.

Но комиссар с четырьмя шпалами, молодой для своей высокой должности, мало что понимал во флотских делах. Переправа с наступлением ночи шла сплошным потоком. 62-я армия генерала Василия Чуйкова, вцепившись в кромку берега, держала оборону на фронте протяженностью более двадцати километров.

Потери оборонявшихся были огромными, требовалось постоянное пополнение людьми, подвоз боеприпасов, продовольствия, медикаментов, множество других вещей, без которых армия не может воевать. А под высоким правым бе-

регом ждали ночи раненые, которых предстояло вывозить на левый берег.

Старшина второй статьи Костя Ступников командовал спаренной зенитной установкой крупнокалиберных пулеметов ДШК. Несмотря на запрет, он открыл люк и наблюдал за происходящим. Вражеские самолеты в районе причалов пока не появлялись – опасались огня зенитных батарей. Возможно, и не было большой необходимости – дальнобойная артиллерия с холмов вела непрерывный плотный огонь. Ночные бомбардировщики действовали ближе к правому берегу и над линией обороны.

На нижнем сиденье пулеметной башни, где почти все пространство занимал поворотный механизм пулеметов и запасные коробки с патронами с лентами, сидел второй номер установки, Федор Агеев. Он тоже старался протиснуться наверх – сидеть в тесном закутке и ждать каждую минуту очередного взрыва было тяжело.

Но места в башне для двоих не хватало, и Федя сумел лишь высунуть голову. Картина ночной переправы, столбы взрывов и мертвенно-бледный свет ракет вызывали страх и желание бежать подальше отсюда.

Суда шли без единого огня, виднелись лишь плоские тени. Когда вспыхивала очередная ракета, угадывался тип корабля. Впрочем, кораблей, особенно боевых, было мало. Грузы перевозили гражданские суда, чаще буксиры с баржами, сейнеры, катера, реже – небольшие пароходы. Мимо «Вер-

ного» прошла четырехвесельная смоленая лодка, нагруженная ящиками и мешками. Двое моряков равномерно опускали и поднимали массивные весла, третий сидел на руле.

– Федя, ты глянь, – удивился Костя. – Даже наш буксир с баржей обогнали. Шуруют, как на моторе.

– Жить захочешь, тоже так попрешь.

Моряки на веслах, словно по команде, сгибали и разгибали туловища, мощными толчками разгоняя перегруженную лодку. По сторонам они не смотрели.

Снаряды падали довольно густо, но капитан буксира умело работал сдвоенным тросом, по-морскому, «брагой». Нехитрое приспособление в опытных руках помогало четко вести огромную баржу, уходя от песчаных кос, и одновременно маневрировать, опережая прицел вражеских артиллеристов.

На стрежне капитан ослабил тросы, и течение, мгновенно подхватив баржу, понесло вниз. Тяжелый снаряд, который был направлен по курсу массивного неуклюжего судна, взорвался выше по течению. Фонтан воды окатил баржу. Пучок крупных осколков выбил верхний край борта, расщепил и продырявил несколько досок.

Капитан буксира перехитрил врага, хотя наверняка осколки кого-то убили и ранили. Но основная масса красноармейцев продолжала стоять, цепляясь друг за друга и переборные стойки. При матовом свете очередной ракеты Ступни-

ков разглядел сотни колышущихся касок, пилоток и светлые пятна лиц под ними. В одном месте торчало десятка три длинных стволов противотанковых ружей. Из-за большой скученности расчеты держали свои двухметровые ружья в руках.

На носу баржи размещалась батарея легких «сорокапятков», принайтованных к палубе. Их расчеты лежали или сидели, тесно прижавшись друг к другу. Если бы снаряд угодил в баржу, то погибли бы многие.

– Мясорубка бы получилась, – машинально проговорил Ступников. – Молодец капитан.

Еще один тяжелый снаряд, безнадежно упуская цель, поднял фонтан воды далеко от баржи, ближе к бронекатеру. На этот раз осколки не звякали, как в первый раз, а врубились в корпус и башни, как мощное зубило.

Вскрикнул и с шумом провалился вниз Федя Агеев, а Костя ощутил всем телом удар в башню. Катер швырнуло на волне, завалило на бок, но устойчивый кораблик снова встал на свое плоское днище, а чей-то голос истошно выкрикивал:

– За борт трое свалились!

– Тонут! Люди тонут!

Красноармейцы на палубе суетливо куда-то бежали. Их остановил боцман Ковальчук и кто-то из моряков:

– Сидеть всем на месте!

Бойца с винтовкой в руке, ошалевшего и рвущегося непонятно куда, отшвырнули назад. Егор Ковальчук, моряк с

многолетним опытом, знал, как прекращать панику. Прижав тяжелым ботинком извивающегося парня, матом разогнал еще двух-трех паникеров.

– Никто не тонет. Сидеть смирно, иначе опрокинемся в бога-мать.

– Упали двое, – настойчиво повторял чей-то голос. – Тонут.

– Матросне на нас наплевать! Лишь бы самим уцелеть. Даже круг спасательный не бросили! – надрывался другой голос.

Однако в темной воде никого не было видно. Здесь, на стрежне, живых и мертвых уносило течением мгновенно.

– Заткнись, пока сам за борт не загремел, – оборвал истошный крик боцман.

Старший лейтенант, командир роты, вместе со взводными, тоже не церемонясь, наводили порядок. Где-то в стороне полыхало небольшое судно, его сносило течение. Из пробитой цистерны вытекла солярка и горела, окружая судно широким разливом чадного пламени. Возможно, кто-то успел прыгнуть и спастись. Но не у каждого хватило решимости прыгать в холодную черную воду, сводящую судорогой мышцы.

Те, кто не рискнул покинуть судно в первые минуты, были обречены сгореть заживо, и помочь пробиться им сквозь огромное, расплывающееся на воде пятно пламени никто бы не смог – сгорел бы сам.

– Господи, – скрипел зубами боцман Ковальчук. – Какие муки люди принимают...

Ближе к правому берегу с высот ударили минометы, полевые и автоматические пушки. Снаряд «семидесятипятки» вскрыл кормовую палубу баржи, взрыв подбросил человеческое тело, обломки досок. Но утопить массивную посудину этому калибру было не под силу, хотя осколки натворили дел. Крики раненых доносились сквозь гул двигателя и взрывы небольших снарядов, густо падавших вокруг.

Когда же берег?! Мичману Морозову, далеко не новичку на войне, ни разу не приходилось попадать под такой плотный огонь. Казалось, что Волга шириной не два, а все двадцать километров. Он стоял рядом с рулевым Михаилом Лысенко и не смог скрыть нервозности, подправляя курс:

– Резко влево. Еще левее!

Николай Морозов побывал в переделках, участвовал в зимнем десанте на Черном море, отбивал у немцев Керчь. Там тоже пришлось туго, но под Сталинградом, пожалуй, достается покрепче.

Мичман имел чутье, доступное не каждому командиру, и вовремя услышал звук падающих мин. Успел среагировать мгновенно – крутой поворот влево спас бронекатер от целой серии взрывов. Теперь правее и замедлить ход. Мина рванула перед носом – Морозов снова перехитрил немецких артиллеристов.

Горящее судно, окруженное кольцом пламени, где крича-

ли от боли и бросались прямо в огонь полустогоревшие люди, настиг тяжелый снаряд. Оно разлетелось от удара фонтаном огненных обломков, взрыв добил еще живых людей, но, по крайней мере, прекратил их страдания. На палубе кто-то перекрестился:

– Отмучались, бедолаги.

– Лучше уж сразу смерть, чем такие страдания испытывать.

Страшное зрелище словно парализовало бойцов, которые сидели и лежали на палубе «Верного». Каждый думал, что им пока везет. А что будет дальше – лучше не загадывать. Но хорошего никто не ждал. Здесь, пожалуй, пострашнее, чем в окопах на переднем крае.

Совсем рядом прошла очередь 37-миллиметровой пушки. Один из снарядов отрикошетил от борта и взорвался над катером. Кого-то ранило мелкими осколками, но люди на палубе продолжали лежать неподвижно. Лишь чертыхались, зажимая раны и надрывая зубами индивидуальные пакеты.

Зато внизу, наглухо запертые в трюме и кубрике, красноармейцы при каждом близком взрыве, ударах осколков о корпус, частью контуженные и почти все оглушенные, барабанили в люки и кричали:

– Выпускай!

– На дно пустить хотите!

– Заткните глотки! – приник к люку боцман. – Уже подходим... сейчас выпустим. Навоюетесь вдоволь.

Обрыв правого берега возник, словно огромная стена. Бронекатер, имевший малую осадку, ткнулся в песок. Выгрузка шла быстро. Кто-то командовал, стоя у трапа, и бойцы торопливо бежали друг за другом.

Те, кто сидел в трюме, ошалевшие от ударов, качки и томительного ожидания, едва вырвавшись на палубу, не выдерживая, прыгали за борт. Ступников, следуя инструкциям, развернул спаренную установку и взял на прицел край обрыва. Ему казалось, что там в любой момент могут показаться враги. Сейчас, когда двигатель работал на малых оборотах, были хорошо слышны вверху на берегу пулеметные очереди и выстрелы метрах в трехстах, а может, и ближе.

Капитан буксира довел баржу до причала. Казалось чудом, что он сумел пройти этот путь с неуклюжей посудиною длиной метров пятьдесят на скорости четыре узла и довести ее почти невредимой, если не считать пролома в верхней части борта и мелких пробоин.

На отмели под обрывом царила такая же суета, как на пристани Красной Слободы, но во всех действиях угадывалась жесткая рука комендантской службы. Красноармейцы на барже, пережившие больше всех страха, хлынули было толпой к широкому трапу, но их сдерживала цепь охраны. Вначале сгрузили «сорокапятки», затем торопливо бежали и строились ближе к обрыву взводы и роты прибывшего на барже полка.

Обстрел не прекращался. На этот раз летели мины. Немцы пускали их наугад, не видя цели под обрывом, но то одна, то другая находила свои жертвы. Одна рванула на мелководье, осыпав «Верный» осколками, другая взорвалась возле трапа у баржи. Перекосила его и сбросила на причал сразу несколько человек.

– Ступников, закрой люк! – стукнул кулаком по башне пробежавший мимо боцман.

Но сидеть и ничего не видеть было страшнее, чем получить случайную мину. Костя промолчал. Он считался уже бывалым моряком, не зря присвоили звание старшины второй статьи и поставили командовать зенитной установкой.

– Молодец все же капитан буксира, – подал голос помощник Федя Агеев. – Такую калошу сумел протащить. Назад, наверное, раненых повезут.

– Наверное, – рассеянно отозвался Костя.

Он продолжал внимательно следить за кромкой обрыва. Непонятный гул заставил его вцепиться в рукоятки и поднять стволы ДШК повыше. Этот звук он слышал уже не раз, но сейчас его глушили взрывы мин, громкие команды на берегу, какая-то шумная возня на палубе.

Крестообразные тени возникли из темноты, они шли бесшумно, а гул словно тянулся следом. И ракеты вспыхивали, как назло, где-то далеко, почти не освещая их участок. Это были самолеты. Но чьи – наши или немецкие? Какие-то секунды Костя колебался. Его подстегнул дружный крик, про-

катившийся по берегу:

– Воздух!

– Фрицы летят!

Он нажал на гашетки, и трассы короткой очереди прошли с опозданием, тройка самолетов уходила прочь. Ступников уже разглядел торчавшие из-под корпусов шасси и угадал характерные силуэты «Юнкерсов-87» с изогнутыми, как у чайек, крыльями.

Быстро развернув башню, он пустил вслед длинную очередь. Цель исчезла. Костя, матерясь сквозь зубы, снова открыл огонь и увидел в свете ракеты блеснувший борт одного из «юнкерсов». До него было не так далеко, и Ступников не прекращал огня.

– Что там? Что? – кричал из-под ног помощник. – Я запасные ленты приготовил.

– Щас, – успел пробормотать Ступников, продолжая давить на гашетки.

Где-то поблизости шарахнуло так, что Костя выпустил рукоятки и, отброшенный ударом, стукнулся затылком о металл. Его спасла шапка, которую он надевал вместо каски. Но приложило крепко. Сиденье стояло боком, катер сильно накренился на правый борт, вверху что-то с треском лопнуло, но «Верный» уже выравнивался, шлепнувшись плоским днищем о воду.

В ушах гудело, где-то надсадно завывала сирена, вопили люди. За ногу дергал и пытался вылезти Агеев. Отпих-

нув его, Костя высунулся из люка. «Юнкерсы» сделали свое дело. Бомба разнесла кормовую часть баржи. Веером, словно десятки разведенных пальцев, торчали толстые доски обшивки. Баржа медленно погружалась в воду. Бойцы, не успевшие высадиться, лезли густой рыже-серой массой к носу, звали на помощь раненые, барахтавшиеся в воде. Причал раскололо другой бомбой, и там что-то чадно горело.

Немецкие минометчики почуяли добычу и сосредоточили огонь сразу целой батареей на том месте, где тонула баржа и карабкались по обломкам причала красноармейцы. Теперь мины находили цели чаще. Рвануло в затопленном трюме, глуша и добивая раненых, еще одна мина взорвалась посреди копошащейся массы, подбрасывая исковерканные тела.

В ответ ударила носовая орудийная башня «Верного». Ствол «трехдюймовки» был задран до предела, и снаряды летели в сторону немецких позиций, проходя над кромкой обрыва, едва ее не задевая. Затем пушка умолкла. На борт грузили раненых, а с левого берега равномерно ухали гаубицы, ведя огонь по вспышкам немецких орудий.

На обратном пути снова шли рядом с буксиром, тоже забитым ранеными.

– Крепко нас трепанули, – обозленно ругался один из красноармейцев, привалившийся к рубке, на которой была установлена пулеметная башня. – Первый снаряд, который борт проломил, человек семь уложил. И не осколками, а в основном обломками досок. И покалечило раза в два боль-

ше. Мне повезло: доска, как пропеллер, в трех метрах пролетела – только шлепки да хруст. Одному голову в лепешку сплющило, другим руки, ребра переломало. А у берега вообще думал конец придет. Бомба словно с небес свалилась. На корме раненые в основном оставались и саперы с грузом. Тоже, считай, с полсотни накрылось, не меньше. Меня башкой о борт приложило, думал, конец. Очухался в воде, левая рука в крови, переломана.

Боец говорил быстро и громко, стараясь перекрычать гул двигателей.

– Закурить бы. Одной рукой сигарку не свернешь.

– Давай помогу, – откликнулся чей-то голос.

– Махорка подмокла.

– Что ты за солдат, если махру сохранить не можешь! Ладно, поделюсь.

Закурить бойцу дал один из гражданских матросов потопленной баржи. Не спеша объяснил, что сегодня потери так себе. Капитан опытный, умело маневрировал, а если бы врезали из «шестидюймовки» прямым в цель да на стремнине, то мало бы кто уцелел.

– Как скотину в корыто битком напихали, – не мог отойти от пережитого страха красноармеец. – И плыви под снарядами.

– Плывет говно, – отпарировал матрос. – А посудина у нас крепкая была, царствие ей небесное. Благодарим бога и нас, моряков, что туда и обратно прогулялся, а теперь на пару

месяцев в госпиталь заляжешь.

– Да уж, залягу, – несмотря на боль в сломанной руке, широко улыбался красноармеец. – Винтовку и патроны сдал, на законном основании лечиться буду. А там, глядишь, вся эта свистопляска уляжется. Сюда во второй раз торопиться не буду.

– В общем, без тебя довоюют, – не слишком дружелюбно поддел его кто-то из матросов.

– Завидуешь, что ли?

– Да пошел ты куда подальше! Насмотрелся я на таких. Будешь со своей рукой носиться до весны да врачам плакаться.

Одинокий снаряд разорвался позади, сверху посыпались осколки. Все примолкли.

– Чего цапаться, – рассудительно заметил один из пожилых раненых с перевязанными руками. – До левого берега еще доплыть надо.

Ступников, чертыхаясь, выбивал раздувшийся патрон, застрявший в казеннике правого ствола. Пострелял неплохо, выпустил почти целиком две коробки по пятьдесят патронов, хотя вряд ли попал в цель. А мог бы, если б на правом берегу не зевнул. Но уж слишком внезапно вынырнули из-за обрыва «юнкерсы», да и непрерывные взрывы мин заглушали все звуки. Вот и зевнул, не среагировал вовремя.

Федя Агеев, выбравшийся на крышу рубки, осмотрел башню, стволы, затем поковырялся ножом и сообщил Ступ-

никову:

– Гля, осколок почти насквозь броню пробил, – и протянул Косте изогнутый кусок металла. – С палец толщиной, аж зазубрины сплющились.

– Дай гляну, – подбросил на ладони увесистый осколок сигнальщик Валентин Нетреба, рослый, белокурый, из бывалых моряков. – Такой может запросто броню продырявить. Повезло тебе, Федька.

– А чего мне? Я внизу сижу, ленты подаю. Осколок прямиком в Костю шел.

– Ну и чего ты радуешься? Товарища бы покалечило или убило, а ты невредимый. Хорошо, да?

– Я не то имел в виду, – сконфузился помощник Ступникова, способный ляпнуть по простоте что надо и что не надо. – Я ж за Костю переживаю.

– Ну-ну. Отдай железяку ему на память, а когда ремонтники придут, не забудь напомнить, чтобы трещину заварили.

Из дверей рубки высунулся мичман Морозов:

– Агеев, ты чего там топчешься? Осмотрел стволы и лезь на место. Ступников, пулеметы в порядке?

– Да вот гильзу раздуло, сейчас выбью. Все нормально, Николай Прокофьевич.

– Длинными очередями не стреляй, – буркнул подошедший боцман. – Не маленький вроде, а засадил в белый свет почти всю ленту.

– Может, в кого и попали, – предположил Агеев.

– Пальцем в задницу. А ты, боец, – сделал он замечание раненому красноармейцу, – в рукав кури, а лучше гаси свою сигарку. Ночью она за два километра видна.

– Щас, докуриваю...

За ночь «Верный» сделал еще пять рейсов. Ночь, казалось, никогда не кончалась. Причаливали, загружали людей, ящики, мешки, вслушивались в звук летящих снарядов, и, наверное, каждый думал, неужели так и застрянут на этих ночных переправах. Сколько тут можно продержаться? Пару ночей... в лучшем случае неделю.

Третий рейс запомнился тем, что снаряд поджег древний остроносый пароход с огромными колесами по бокам. Он шел впереди, пыхтя, как паровоз, шлепая плицами, из высокой трубы снопом летели искры.

– Раскочегарился! – бурчал боцман Ковальчук. – Надо было на левом берегу больше пара нагонять, а он шурует на прямой видимости.

– Нервы, – коротко отозвался мичман Морозов. – Торопится, гонит, а про маскировку не думает.

Наверное, капитан неизвестного парохода хорошо знал и о маскировке, и о том, что надо заранее нагонять пар. Но суда совершали рейсы в такой спешке, под крики и команды многочисленных начальников, что не хватало времени поднять как следует пар или что-то починить, продуть.

– От вас судьба Сталинграда зависит, – высокопарно про-

изнес комиссар с четырьмя «шпалами», когда один из пожилых капитанов попросил отложить один рейс и хотя бы кое-как подлатать поврежденный двигатель. – Утром ремонтироваться будете. Чего ждете? Вперед!

Капитан, сутулясь, пошел к своему судну. С такими людьми, как этот комиссар, говорить по делу бесполезно. Ему наплевать, что двигатель посреди реки заглохнет. Так думал Морозов, наблюдая за погрузкой.

– Все, хватит! Перегруз, – решительно скомандовал мичман. – Отчаливаем. Малый ход!

Их проводил взрыв тяжелого снаряда, разорвавшегося на отмели, где в окопах, за прибрежными тополями, находились саперы, следившие за исправностью причалов. Взлетели куски сломанного посередине дерева, песок, заготовленные для ремонта бревна, человеческое тело.

Ближе к середине реки вспыхнул от зажигательного снаряда пароход. Команда пыталась тушить огонь, но пламя превратило старое деревянное судно в хорошую мишень. Снаряды разного калибра поднимали фонтаны воды. Капитан резко сбавил ход, затем прибавил. Судно шло зигзагам, но уйти от многочисленных залпов не удалось.

До парохода было метров триста. Ступников отчетливо разглядел, как вспышка вспучила палубу на носу, через минуту рвануло где-то возле рубки. Пока это были снаряды небольшого калибра, наверное, «семидесятипятки», но они клевали пароход, как осы.

Завалилась труба. Столб огня бил изнутри, раскаляя докрасна и сжигая покосившуюся трубу. Поврежденный пароход, охваченный пламенем, был виден как на ладони. Торопились не упустить добычу немецкие 105-миллиметровки. Труба, кувыркаясь, взлетела в воздух, разнесло кожух гребного колеса. Пароход крутанулся вокруг оси. Возможно, капитан принял решение возвращаться, но очередной снаряд взорвался под бортом, и в огромную пробоину хлынула вода.

Многочисленные головы торчали в освещенной огнем черной воде. Люди кричали, махали руками, но кто мог им помочь? Суда шли в обоих направлениях, загруженные под завязку. Опрокинувшийся на борт пароход уносило течением. Горел корпус, горела вылившаяся солярка. Одно колесо, дергаясь, сделало несколько рывков, затем судно стало быстро уходить под воду. Над ним стремительно вращалась воронка, унося на дно людей и мелкие обломки.

Морозов сделал попытку свернуть к месту гибели парохода, чтобы подобрать людей, которые сумели выплыть из водоворота и миновать горящее озеро солярки. Но перегруженный бронекатер захлестнуло на повороте волной, окатившей палубу, а впереди мины и снаряды добивали людей. Лезть в гущу взрывов со своим собственным грузом в сто пятьдесят бойцов и сваленными как попало ящиками с боеприпасами было бесполезно.

И последний, шестой по счету, рейс запомнился не меньше. Отчаливали от Красной Слободы, когда за лесом нача-

ли меркнуть звезды. Приближался рассвет, и немцы словно ошалели, торопясь выполнить свой ночной план. Снаряд ударил прямо по ходу бронекатера.

По характерному звуку рвущегося металла Николай Морозов понял, что пробило борт и осколок не маленький. Оттолкнув рулевого, мичман резко закрутил штурвал, уходя в сторону. Угадал. Еще два снаряда, скорее всего «семидесятипятки», подняли бурлящие фонтаны воды и дыма правее по курсу.

Если бы не свернул, пожалуй, словили бы немецкий подарок в корпус. Пока отделались ударом взрывной волны и несколькими осколками, звякнувшими о рубку, башни и доставшими кого-то из красноармейцев.

– Миша! – не отрываясь от штурвала, окликнул Морозов рулевого. – Сбегай, глянь, крепко нас уделало? Пусть ребята в трюме все хорошенько проверят, нет ли течи.

Высокий сутулый Миша Лысенко с готовностью козырнул, но в дверь рубки вбежал боцман Ковальчук и сообщил:

– Дырка так себе, с ладонь. Уже заделывают. Там бойцов осколками побило и перегородку смяло.

– Под ватерлинией пробоин нет?

– Пока бог миловал, но в нескольких местах клепки расшатались, вода потихоньку сочится. Но эти мелочи мы на берегу устраним.

Поблизости рвануло раза три подряд. Капитан и боцман поняли, что на этот раз немецкие артиллеристы охотятся

именно за их бронекатером. Отдавать штурвал кому-то другому Морозов не стал, хотя и боцман, и долговязый Лысенко были опытными моряками.

– Егор, – приказал он боцману, – дуй в машинное отделение: если потеряем ход, нам труба.

– Есть!

Судя по всему, бронекатер ловили в прицел три 75-миллиметровые полевые пушки. Хорошо, что хоть не «стопятки»! Снаряд провыл над рубкой, снова взрыв, а затем звон разбитого прожектора.

– Самый полный! – передал Морозов в машинное отделение, хотя какой, к черту, «полный», если катер снова забит людьми и грузом сверх всякой нормы.

Метров через двести взрывы прекратились. По крайней мере, направленные в бронекатер. Возможно, помогли огнем наши орудия с левого берега, а скорее всего, «Верный» миновал зону огня этой настырной батареей. На палубе шумели, спорили, кто-то вскрикивал от боли.

– Миша, бери штурвал. Пойду разберусь, что за шум.

– Машинное работает нормально, – доложил скороговоркой вернувшийся Ковальчук. – А на палубе это мы с командиром роты о пустом спорили. Прикажете ему тела погибших за борт опустить.

Морозов передал штурвал Лысенко, вышел из рубки и увидел три трупа: младший лейтенант с разорванным, кое-как перемотанным бинтами животом и двое красноармейцев

в окровавленных гимнастерках.

– Я с Женькой одно училище заканчивал! – кричал лейтенант, командир роты, с портупеей и кобурой на боку. – Это моя рота. Погибших хоронят как следует, а не выбрасывают где попало.

– Корабль перегружен, – не вступая в споры, коротко объяснил Морозов и снял фуражку. – На берегу хоронить будет некогда, да и негде. Хороните в воде.

Лейтенант тоже снял каску, с минуту раздумывал. Звенела, набирая высоту, мина – значит, берег уже недалеко. Взрыв, за ним другой подбросили «Верный». Волна, как выстрел, резко хлопнула о плоское днище.

– Ладно, пусть ребята на дне Волги лежат. Не самое плохое место.

Три трупа по очереди сбросили в воду. Раненых было человек семь, некоторые тяжело.

– В трюмы силком загоняли, – с досадой выругался боцман Ковальчук. – Боимся, утонем! Вот и результат – троих наповал осколками и остальные семь – кто выживет, а кто и нет.

– Сам в свой гроб лезь! – обозленно выкрикнули из толпы красноармейцев. – Вон в борту дырки. Неизвестно, сколько там мертвяков.

Ненужный спор прекратила пулеметная очередь с берега. Катер уже подходил к обрыву и был недосыгаем для прямого огня немецких орудий. Мины хлопали наугад, а два пуле-

мета из верхних окон полуразрушенной пятиэтажки сыпали частыми сериями трассеров. Большинство пуль, попавших в катер, рикошетили от брони. Но страх, из-за которого многие красноармейцы ни в какую не хотели лезть в трюм и кубрик, снова сыграл свою роковую роль.

Одна из очередей прошла вдоль судна, слышались шлепки пуль о человеческие тела. Раненный в ногу красноармеец пытался отползти под защиту рубки, но гимнастерку на спине рвануло, а вокруг разлохмаченного отверстия быстро расплывалось черное в полутьме пятно.

Еще двое бойцов тяжело ворочались у стойки лееров, кто-то пытался встать, но снова валился на палубу. Толпа кинулась с одного борта на другой. Ковальчук, широкоплечий сигнальщик Валентин Нетреба и еще несколько моряков теснили толпу напуганных бойцов, в основном мальчишек лет восемнадцати.

– А ну сидеть!

– Не двигаться, иначе перевернемся.

– Дергач, огонь осколочными по пулеметам! – скомандовал Морозов. – Достанешь?

– Достану, – отозвался командир носовой оружейной башни Вася Дергач. – Щас я им устрою.

«Трехдюймовка» открыла огонь. Толстые стены здания снаряды пробить не могли. Взрывы крошили кирпич, оставляя вмятины. Разнесло обгоревшую оконную раму. Пулемет, стоявший на треноге, раскидало вместе с расчетом. Два дру-

гих усилили огонь, хлопали винтовочные выстрелы, но «Верный» уже ушел под защиту обрыва.

Когда рота выгружалась, Ковальчук, не выдержав, обругал лейтенанта, показывая на раненых, которых предстояло увозить обратным рейсом.

– Распустил слюни, людей в трюм загнать не сумел. Считай, ползвода накрылось, в бой не вступая.

Лейтенант замахал руками, заикаясь, что-то крикнул в ответ, но неподалеку уже взрывались мины, которыми немцы встречали прибывающие суда.

– Иди, воюй, – подтолкнул его боцман. – Если ума наберешься, может, выживешь и людей беречь научишься.

А на берегу уже ждала толпа раненых. Сначала загружали тяжелых.

– Черепно-мозговые, с ранениями живота и грудной полости, – грамотно распоряжался капитан с медицинскими эмблемами.

Он стоял на кромке воды. Мелкая волна облизывала его шевровые сапоги. Различая все эти детали, Костя Ступников вдруг понял, что уже рассвело и назад предстоит добираться на виду немецкой артиллерии.

Василий Дергач, в танкистском шлеме, сидел на краю люка и лузгал добытые где-то семечки. Костя невольно сглотнул слюну, а рыжий Дергач протянул пригоршню:

– Бери, погрызешь.

– Спускаться далеко, – отозвался Костя.

– Ну, я сам тебе принесу.

Небольшого роста кривоногий артиллерист поднялся по скобам рубки и щедро отсыпал две пригоршни семечек.

– По светлomu пойдем, – озабоченно проговорил Федя Агеев.

– А-а, без разницы, – равнодушно отозвался Дергач. – Ночью сплошные ракеты, все равно видимость как на ладони.

– Самолеты, того и гляди, появятся. Вон, «рама» уже цели высматривает.

Высоко над рекой медленно шел немецкий наблюдатель «Фокке-Вульф-189». Примета верная – значит, скоро пожалуют и штурмовики.

– Ковальчук, ты скоро погрузку закончишь? – окликнул боцмана Морозов.

– Я что, виноват? Несут и несут раненых. Уже сто сорок семь человек загрузили плюс восемь наших, которых по пути ранило.

– Все, хватит, – сказал мичман, обращаясь к врачу-капитану.

– Помрут люди за сутки, – отозвался тот. – Некоторые по трое суток лежат, того и гляди, гангрена начнется.

– Ночью и больше бы взяли, но сейчас слишком опасно. Пойдем по-светлomu, на скорости, а если загрузимся под завязку, то поплетемся, как корова. Утопят всех, до середины реки не дойдем.

Трап наконец убрали, и катер медленно отошел от приста-

ни. В самый последний момент боец в гимнастерке с перевязанными руками вдруг растолкал всех и прыгнул с причала. Повис на леерах, болтая ногами. Его рывком втащили на палубу.

На повязках, покрытых засохшими бурыми пятнами, выступили новые разводы крови. Все молча потеснились, а боец, оправдываясь и скрипя зубами от боли, объяснял:

– Сутки наверху пробыл, до берега добраться невозможно. Я пулеметчиком был, мина рядом шарахнула. Штук десять осколков словил. И на берегу трое суток пролежал. Руки опухли, бинты в тело врезаются. Отдерите кто-нибудь.

С берега снова открыли огонь. Но смертельно уставший за ночь экипаж «Верного» равнодушно наблюдал за столбами разрывов. Прошли мимо косы, где лежал на боку разбитый баркас. Двое уцелевших моряков махали руками, прося о помощи, но рисковать перегруженным катером Морозов не мог и прошел мимо.

Тем временем с раненого срезали, отодрали старые бинты. На опухшие багрово-фиолетовые руки было жутко смотреть. Пока накладывали новые повязки, раздались два шлепка. Облегчая перегруженный катер, боцман приказал сбросить в воду двоих умерших от ран бойцов. А может, их погрузили уже мертвыми, потому что некоторые были без сознания – не поймешь, мертвый или живой.

Сгрузив уже при свете остальных раненых, «Верный» взял курс к своей стоянке на Ахтубе, притоку Волги, где имелось

много затонов и мест для укрытия. Провожая их, на берегу тяжело ахнул снаряд, подняв тучу песка и ломаного кустарника.

– Привет от фрицев. Может, последний на сегодня, – сворачивая самокрутку, проговорил Федя Агеев.

Руки у него тряслись.

Глава 2

Путь на Сталинград

Три бронекатера на среднем ходу шли вслед за тральщиком. Начиная с июля немцы основательно засыпали русло Волги минами. Их вылавливали тралами, взрывали глубинными бомбами, но каждую ночь то в одном, то в другом месте ночной бомбардировщик, снизившись над рекой, сбрасывал очередной смертельно опасный шар.

Равнинная и сравнительно мелководная Волга имела глубину русла, как правило, не более десяти метров. Мины ложились на дно и терпеливо ждали своей добычи. Поэтому не торопился тральщик и не лезли вперед все три бронекатера. Два из них были типа БК-1124, каждый с двумя орудиями в танковых башнях и спаренным крупнокалиберным пулеметом на рубке, тоже в закрытой башне.

Третий, немного поменьше, с единственной орудийной башней, спаренной зенитной установкой и кормовым пулеметом – все три обычного винтовочного калибра, мало эффективного против немецких самолетов. Трехдюймовые пушки на всех катерах имели низкий угол вертикальной наводки и не годились для ведения огня по вражеской авиации.

Но если два катера могли рассчитывать на спаренные, довольно мощные крупнокалиберные пулеметы ДШК, то мень-

ший из катеров, «Каспиец», был способен лишь отпугнуть вражеский самолет трескотней своих пулеметов и не подпустить его слишком близко.

Несмотря на небольшие различия, все три катера походили друг на друга – бронированные корабли длиной двадцать пять метров с минимумом надстроек, приличной для реки скоростью двадцать узлов (около сорока километров в час) и одновременно устойчивые, с малой осадкой.

Как правило, бронекатера не имели официальных наименований и числились под номерами. Но каждый командир и каждый моряк, уважая свой катер, старались дать им имена. Говорят, у любого корабля есть душа, значит, должно быть имя. И пусть в отчетах и ведомостях бронекатера значились под безликими номерами, в жизни они имели собственные имена: «Смелый», «Верный» и «Каспиец», который иногда снисходительно называли «Малыш».

«Смелый» возглавлял группу, которой командовал лейтенант Зайцев, шустрый, порой суетливый, но умевший быстро принять правильное решение.

Степан Георгиевич Зайцев не раз проходил этим путем, но с прежним любопытством рассматривал берега, затоны, часто задирал голову, вглядываясь в голубое, еще по-летнему теплое сентябрьское небо.

Неподалеку от села Ступино, раскинувшегося на высоком обрыве, лоцман, сопровождавший катера, показал деревянный обелиск на склоне берега с прибитым к нему небольшим

корабельным якорем:

– Вот тут «двадцать второй» с адмиралом накрылся.

Все знали эту историю. Первого августа здесь проходили два бронекатера. На головном находился командир бригады контр-адмирал Хорохшин. Словно чувствуя опасность, перед перекатом адмирал приказал катерам увеличить дистанцию между ними со ста пятидесяти до трехсот метров и развить полный ход.

Взрыв мины был настолько мощный, что БК-22 просто исчез среди взметнувшегося вала мутной, смешанной с илом и песком воды. Когда волны успокоились и развеялся кислый дух взрывчатки, на поверхности не осталось ничего, что напоминало бы о БК-22.

Начинка мины составляет восемьсот килограммов взрывчатки, а порой и тонну. Этого хватит, чтобы разорвать и уничтожить со всем экипажем куда большее судно – монитор или канонерскую лодку.

Видимо, катер просто разнесло на части, а стремительный перекаат унес то небольшое, что оставалось на поверхности. Позже здесь работали водолазы, но глубина, большой слой ила и подводное течение сыграли свою роль. Не нашли ни малейшего следа катера и тел адмирала и пятнадцати человек экипажа.

В этой трагедии, не оставившей после себя никаких следов, многие моряки видели что-то загадочное и непонятное. Начиная с июля, когда немцы заминировали низовья Волги

от Камышина и почти до Астрахани, суда взрывались часто. Гибли порой десятки человек, но большинству все же удавалось спастись, да и обломки кораблей ясно показывали причину их гибели. А в этом месте словно нечистая сила унесла бронированный катер, да еще с адмиралом и всем экипажем. Может, уцелевших моряков немецкие диверсанты в плен взяли?

Чего удивительного? Разведгруппы на легких бронемашинах и мотоциклах шныряли в здешних местах все лето. Нагнали до того, что пара мотоциклистов могла залечь на обрыве, понаблюдать, а затем, не жалея пуль, открыть огонь по приглянувшемуся гражданскому катеру или пароходу.

Вооружение на речных судах стали устанавливать позже, а тогда круто разворачивались к левому берегу и побыстрее уходили, отстреливаясь из немногих карабинов и даже наганов. Тушили под пулями горевшие надстройки и увозили тела убитых и раненых.

Сейчас такой номер не пройдет, и нет фрицам необходимости прятаться по берегам. Фарватер узкий, извилистый, постоянно минируется, а у немецких пилотов имеются подробные карты. Находили не раз в немногих сбитых самолетах – откуда только взяли, сволочи!

Артиллеристы и зенитчики всех трех катеров сидели на своих местах. В любой момент могли появиться «юнкерсы» или «мессершмитты». Костя Ступников, не отрываясь, наблюдал за небом, оба пулемета были наготове, из казенников

торчали маслянисто отблескивающие ленты с разноцветными головками крупных пуль: бронебойными, разрывными, зажигательными.

Костя был родом из Камышина. Закончил семилетку и даже один курс техникума. Работал перед войной на заводе. Призвали осенью сорок первого, отучился в Астраханском учебном отряде и месяцев пять нес береговую службу в качестве командира пулеметного расчета.

Затем направили в отряд бронекатеров и после недолгой проверки назначили командиром башенной зенитной установки. Башнер, хоть на орудийных, хоть на пулеметных установках, должность престижная. Если капитан катера собирает совещание, то в числе приглашенных, кроме боцмана, старшего механика, обязательно присутствуют командиры башен.

И боцман Ковальчук, который молодых без дела и на час не оставит, влезает порой на рубку покурить, поболтать о том о сем с Костей Ступниковым. Тяжелые пулеметы ДШК вызывают уважение. На кораблях их мало, в основном устанавливаются «максимы» или «дегтяревы», слабоватые против самолетов. А ДШК своей увесистой пулей на полкилометра прошибает броню с палец толщиной, если под нужным углом попасть.

Волга к середине сентября обмелела еще больше, повсюду желтеют песчаные косы и многочисленные, едва заметные, мели. До Сталинграда полторы сотни километров, по-

хорошему, часов пять ходу, но тральщик во главе маленького каравана не торопится. Там ребята опытные, и обязанности в группе у них самые важные – не пропустить донную или якорную мину. Знают, что ошибиться им суждено всего раз. Прозевают – либо сами всем экипажем погибнут, либо один из катеров накроется.

Капитану «Верного» Николаю Прокофьевичу Морозову – тридцать два года, старик по сравнению с большинством экипажа. Успел повоевать, участвовал зимой сорок первого в боях за Керченский полуостров. Был ранен, а после выздоровления переведен в Каспийскую флотилию, в отряд недавно принятых на вооружение бронекатеров – приземистых, быстрых, с необычными для речных кораблей танковыми орудийными башнями.

Учитывая опыт, мичмана Морозова назначили командиром бронекатера. И не ошиблись. В новое дело вник быстро, «Верный» был хорошо подготовлен к боям и показывал на учениях едва не лучшие результаты в отряде. Только недолго длилась подготовка. Война шла уже на Волге.

Непонятно, что происходит в Сталинграде. В сводках сообщается, что идут ожесточенные бои, немецкие войска несут большие потери. Перечисляется количество уничтоженных танков, самолетов, убитых фашистов, которые расшибают лбы о стойкое сопротивление наших отважных бойцов. И обязательно одна-другая героические статьи, в кото-

рые верится с трудом.

То отделение бронбойщиков своими непревзойденными ружьями расстреливают и поджигают целую танковую роту, а закончив это дело, берутся за автоматы и прибавляют к горящим танкам еще и пехотную роту. Ну и дают!

Не отстают и другие. То саперы что-то очень ценное взорвут, а разведчики забрасывают гранатами штаб и волокут упирающихся пузатых «языков». Ценные сведения добыли – всем по медали!

Маленький караван принял свой первый бой еще вчера в низовьях, едва покинув стоянку. Разведчик «Фокке-Вульф-189» спустился с высоты, откуда наблюдал за рекой. Наверное, хотел получше рассмотреть пока еще редкие бронекатера: что там русские придумали?

По фрицу открыли огонь все семь пулеметов и две «сорокапятки» с тральщика. Чья-то очередь даже чиркнула по массивному корпусу, высекая искры. Но «рама» лишь встряхнулась, сбросила две бомбы и пошла с ревом набирать высоту, унося от греха подальше три свои тонны и три драгоценные арийские жизни.

– Боевая ничья, – важно подвел итог кривоногий артиллерист носовой башни Вася Дергач, провожая мощную, но довольно тихоходную машину. – Мы стволы закоптили, а фрицы рыбы наглушили. Гля, какой сомина плывет, пуда на два!

– Помирать фашист полетел, – провожая раскрашенную в пятнистый гадючий цвет машину, ухмыльнулся Ковальчук. –

Метко стреляем, ничего не скажешь.

– Что ж, у ней броня толще танковой? – наивно удивлялся помощник Ступникова Федя Агеев. – Кто-то ведь попал.

– Снова пальцем в одно место! Знаешь слово «рикошет»? – резвился Вася Дергач. – Да и угодили всего парой-тройкой пуль, а такую броню под прямым углом бить надо. И пушкари с тральщика тоже ушами хлопали. Уж ихним-то снарядам завалить фрица можно было.

Старшина первой статьи Дергач разболтался так потому, что его пушка с малым углом возвышения в бою не участвовала, а то бы он показал.

– Егор Кузьмич, может, сома подцепим? – не унимался бывший танкист. – На жареху всей команде хватит.

– Мину мы скорее подцепим, – буркнул Ковальчук. – До тебя не доходит, что идем строго по курсу?

– Куда уж ясней. Шаг влево, шаг вправо – стреляют без предупреждения. А я сомятину люблю. Жирная, без костей.

– Язык у тебя без костей.

– Ну, люблю поговорить. А что, лучше молчать, как на похоронах?

Потом стало не до сомятины. Мимо проплыл облепленный мазутом труп. Течение колыхало его, и плыл он как-то странно – на спине. Ноги в коленях были подогнуты, руки в локтях вздернуты, а черный рот на мазутном лице был широко раскрыт, словно мертвец чему-то удивлялся.

– Рот открыт, а вода не набирается, – прошептал наивный

Федя Агеев. – Не тонет...

– Мазут нутро спалил, некуда воде попадать, – объяснил грамотный помощник механика Донцов Тимоха, по прозвищу Ушан.

Не слишком почетное прозвище ему присвоили по двум причинам. Донцов закончил техническое училище, неплохо разбирался в механизмах, чем любил похвастаться, и смотрел на остальных матросов несколько свысока.

Кроме того, Тимоха имел большие оттопыренные уши (которые прятал под замасленную инженерную фуражку) и прыщи на щеках. Он смазывал их машинным маслом, чтобы быстрее сошли, но это не помогало. Лишь получал замечания от боцмана:

– Опять морду не мыл.

– Он прыщи лечит, – встревали артиллеристы из кормовой башни, расположенной над моторным отсеком, оба смешливые и круглолицые, как близнецы. – Вот соберется с духом, переспит с бабой, и прыщи сразу исчезнут.

– Я уже переспал. И не раз, – соврал Тимоха.

Близнецы переглянулись и заржали. Вообще-то, артиллеристы Серега и Антон из кормовой башни не были братьями и даже родственниками, правда, жили в соседних селах. В учебке глянули друг на друга и удивились сходству – оба небольшого роста, широкоплечие, с круглыми лобастыми головами. Прямо Чук и Гек из знаменитого рассказа Аркадия Гайдара.

Сергея и Антон читали мало, про Чука и Гека не слышали, но держались всегда вместе, были смешливые, но орудийную установку освоили неплохо и стреляли метко. Себя они называли так:

– Мы братовья. Кто не по делу полезет, сразу с двумя дело иметь будет.

Но это в них играли еще деревенские задиристые привычки. Команды катеров были небольшие, все жили дружно, а без подначек как обойтись? Скучно.

– Где же ты девку себе нашел? – подмигнув остальным, спросил близнец Серега, старший расчета.

– Где и все, – попытался отмахнуться Тимоха. – Трудно, что ли, бабу найти?

– Мне вот не везет с девками, а тебе раз плюнуть. Расскажи, интересно ведь. Наверное, в увольнении?

– Ну да, в увольнении, – тужился соврать поскладнее помощник механика. – На танцах познакомился.

– Небось пришел туда в своей командирской фуражке? На такую любая клюнет.

– Зачем в фуражке? Она для работы. В бескозырке.

– Жаль. Фуражка хоть и зачуханная, но солидно выглядит. Сразу видно, что командир.

Слово «зачуханная» Тимофею не понравилось. Он недовольно засопел, наладился было нырнуть в машинное отделение, но Серега и Антон в один голос заявили, что фуражка у него нормальная, а бескозырка еще лучше.

– Что дальше было? Любопытно ведь – у нас такого не случилось. В кусты, наверное, ее повел?

– А че, в кустах плохо, что ли? – насторожился Тимоха.

– Хорошо. Лучше некуда. Рассказывай дальше. Трусы она сама сымала или ты помог?

– Ну я, – начал было нескладно объяснять помощник. – А она...

Даже снял инженерскую фуражку, почесывая грязными пальцами затылок, но из трюма его позвал механик дядя Гриша Зотов, самый старший в команде по возрасту, имевший двух взрослых дочерей и не любивший всякие похабные разговоры.

– Тимоха, хватит прохлаждаться, лезь вниз. Я свежим воздухом дыхну.

Воздух и правда был свежий, слегка пахнувший водорослями и неповторимым речным духом. Вода отражала голубое небо с редкими облаками, а за песчаной отмелью ярко переливалась желтыми и оранжевыми цветами гряда осин.

– Красота... – потянулся механик Зотов Григорий Пантелеевич, серьезный и очень уважаемый человек на катере. – На таких отмелях судаки хорошо ловятся. Да и грибов в лесу сейчас, наверное, полно.

Очень многое зависело от его опыта и умения. Того и другого у Зотова хватало, и команда считала, что с механиком ей повезло.

Перекусывали на ходу. Ломоть хлеба, банка каспийской кильки на двоих и кружка горячего сладкого чая. Затеяться с кашей или щами коку запретил капитан. Сейчас пока спокойно, а предыдущий караван раздолбили «юнкеры». Некогда разъедаться и греметь мисками. Дело к вечеру, ночевка предусмотрена у Светлого Яра, там на берегу можно сварить что-то посущественнее. Например, суп с бараниной. Половинка, присыпанная солью, лежит на льду с опилками в трюме.

Покурили после еды, кое-кто попытался даже вздремнуть. Но почему-то не отпускало напряжение, и для этого имелись причины. Хоть и далеко еще было до Сталинграда, но вокруг как-то все изменилось. И вода стала другая, темная и неприветливая, хотя всего-навсего солнце зашло за облако.

Федя Агеев, снова выбравшийся в открытый башенный люк и убедивший Костю немного вздремнуть, вдруг поднял указательный палец и торжественно объявил:

– Гремит... Слышите?

Может, что-то и гремело впереди, но гул двигателя заглушал звуки. Зато все разглядели, что небо на юго-западе темнее, чем положено, и висит, расплываясь на половину горизонта, пелена, похожая на дым.

– Сталинград горит...

Проплыл обломок то ли большой лодки, то ли баркаса. Смоленные доски были обуглены, а смола застыла мелкими и крупными пузырями. Течением проносило уже вспухшую,

глушенную рыбу, покачивался на волне спасательный круг. Надпись разобрать не удалось, брезентовая обшивка порвалась, торчали комки пробки.

— Еще кто-то накрылся, — вздохнул кок, стоявший с ведром возле рубки.

Плыли мазутные радужные пятна, что-то горелое. Пронесло еще один труп в задранной до подмышек гимнастике и колыхающейся нательной рубаше.

Мужичок на рыбачьей лодке с женщиной, стоявшей на носу, собирали что-то с воды. Увлечшись своим занятием, прозевали корабли. Женщина стряхнула с багра какую-то тряпку, а рыбачок, быстро загребая, поплыл к берегу. Тряпка оказалась обмоткой, которые пехота носила вместе с ботинками.

— Знает, сучка, что за кражу военного имущества может под суд попасть, — проговорил артиллерист Дергач, которому до всего было дело.

Рыбачок работал веслами вовсю, кто-то на тральщике засвистел. Напуганную парочку провожали смехом. Вроде ерунда, солдатская обмотка, а подобрал в воде — считается, что присвоил воинское имущество. А из пары обмоток хорошая юбка получится, да еще детишкам на штаны останется.

Догнали плашкоут, деревянную баржу с цистерной тонн на двенадцать и бочками, судя по всему, с солидолом и машинным маслом. Плашкоут тянул на буксире древний колесный пароход с острой кормой и шпилем на таком же заостренном носу. Высоко торчала мачта с красным флагом, а

позади рубки, окрашенной в белый цвет, густо дымила массивная труба. На кожухе колеса виднелось название парохода – «Кубань».

– Угольщик, – определил боцман Ковальчук. – Лет семьдесят старичку, а от парусов одна мачта осталась.

– Он что, с Кубани к нам приплыл? – спросил Федя Агеев. Строгий насчет морской терминологии, Ковальчук напомнил салажонку, что плавает только дерьмо, а корабли ходят.

– С Астрахани наливник тащит. И без сопровождения, – добавил Ковальчук.

Когда суда поравнялись, с «Кубани» начали сигналить. Просили взять оба судна под охрану. Тральщик и все три бронекатера замедлили ход. Дело в том, что на «Смелом» в качестве пассажиров находился полковник инженерной службы, еще какие-то чины помельче, откомандированные из Астрахани в штаб Сталинградского фронта.

Командир группы бронекатеров Зайцев был всего лишь лейтенантом. Полковник не нравился ему своей чванливостью. Вот и сейчас, не дожидаясь ответа командира группы, он заявил:

– Что, караваном потащимся? Меня в штабе командующий ждет, а эти калоши плывут втрое медленнее. Вы, товарищ лейтенант, под немецкие самолеты хотите нас загнать?

– Не плывут, а идут, – тоже не удержался от машинального замечания лейтенант, который хоть и носил заячью фа-

милию, но в переделках побывал, воевал еще в Финскую и твердо знал, что старший здесь он, а не какие-то временные пассажиры, хоть и с полковничьими шпалами.

– А это вы видели, – тряс какой-то бумажкой полковник. – Срочное предписание штаба флотилии. Ваш адмирал для вас не указ?

Степан Герасимович Зайцев мельком глянул на бумагу с печатью и размашистой подписью флотского начальства и вдруг цыкнул на адъютанта полковника, отглаженного старлея, значительно поглаживающего кобуру.

– Ты чего тут на палубе толчешься? Всем посторонним в кубрик. – И, приставив рупор, спросил у капитана «Кубани»: – Почему без охраны идете? Сами загружены и танкер с горючим тащите.

– Была охрана – катерный тральщик. Утопил его «Юнкерс», да и нам досталось, троих раненых везем. Помоги, браток. Машина у меня исправная и зенитка имеется.

– Зенитка... – задумчиво проговорил лейтенант. – Вот она вас спасет! Ладно, до Светлого Яра сопроводим. Увеличьте ход до полного, а мы далеко вперед уходить не будем.

Сигнальщик Валентин Нетребя, в отутюженной форменке и бескозырке с развевающимися на ветру лентами, встав на крышу рубки рядом с пулеметной башней, энергично замахал флажками. Принял ответ и, аккуратно складывая флажки в чехол, с особым шиком козырнул лейтенанту:

– Сигнал принят, ответ получен!

Но уже била рында, небольшой судовой колокол, и была сирена, которую подхватили все корабли.

– Тревога! Фрицы в воздухе!

– Занять боевые посты! – рявкнул Зайцев и хищно оглядел адъютанта: – Ты еще не в кубрике? Всем пассажирам вниз.

Старшему лейтенанту темный провал люка представлялся едва не гробом, откуда не будет выхода. Он замялся, но лейтенант Зайцев уже шагнул в рубку. Следом за ним, стараясь не уронить достоинство, поспешил инженерный полковник, считавший, что в силу своего высокого звания он имеет право оставаться наверху.

– Приказ командира корабля надо выполнять. Бегом в люк, – небрежно махнул он своему адъютанту.

Адъютант зажмурил глаза, как перед прыжком в воду, и шагнул первым на крутые ступени. За ним спустились и остальные командиры из свиты полковника.

Вражеские самолеты приближались с тыла, со стороны Черного Яра, видимо, сделав круг. Хлопали крышки башен, разворачивались стволы пулеметов и пушек. Корабли были готовы к бою.

Немецких самолетов было пять. Три пикирующих бомбардировщика «Юнкерс-87» и два истребителя «Мессершмитт-109». «Мессеры» пока не встречали, зато заходили в пике один за другим одномоторные «юнкерсы» с торчавши-

ми, как шпоры, шасси. Держа дистанцию, бомбардировщики сваливались один за другим круто на крыло. Пронзительно были сирены. Их звук заполнял пространство прерывистым, бьющим по мозгам завыванием. Разбегайтесь, мы идем!

Первой ударила старая «трехдюймовка» «Кубани». Зенитку обслуживал разношерстный, но успевший сработать-ся расчет, который возглавлял старший сержант.

– Выстрел!

– Есть выстрел.

Зенитка рывкнула, посылая снаряд в головной бомбардировщик. Массивный ствол откатился назад, выбросив дымящуюся гильзу. Заряжающий торопливо забросил в казенник следующий снаряд.

«Трехдюймовка» вела огонь довольно интенсивно, на палубе дымилось уже несколько отстрелянных гильз. Но пилоты «юнкерсов», не обращая внимания на допотопное орудие, продолжали атаку.

Головной из них сбросил несколько бомб на пароход. Это был бомбардировщик Ю-87Д, одна из последних моделей печально известных «юнкерсов». Он мог нести полторы тонны бомб и имел четыре пулемета. Полный боевой запас в дальние рейсы эти самолеты, как правило, не брали. На выполнение поставленных задач хватало и тонны.

Старшина второй статьи Ступников открыл огонь, хотя знал, что достать «юнкерс» в стремительном пикировании почти невозможно. Но «Верный» был ближе всех к древнему

пароходу-угольщику, да еще тащившему на буксире массивный плашкоут с цистерной и множеством бочек, которыми были заставлена палуба и верхняя часть цистерны. Скорость не больше четырех узлов, почти стоячая мишень — «юнкерс» не промахнется.

Костя хорошо это понимал. Надеялся, что раскрашенный в серо-коричневый камуфляж пикировщик зависнет на нижней точке для набора высоты, и тогда в малоподвижный самолет он всадит трассу тоже без промаха.

Но пилот был слишком уверен в себе. Низко не спускался, и пике было пологим, из которого он выходил не круто вверх, а лишь слегка приподнимая нос и обходя бронекатера стороной, на расстоянии метров семисот, не меньше.

Далековато для ДШК, но Ступников открыл огонь, тщательно целясь, ровными очередями по 8—10 патронов на ствол. Может, и зацепил одной-другой пулей, но бомбардировщик ушел из-под огня. Двумя пулями, даже крупнокалиберными, «юнкерс» не собьешь, если не зацепишь что-то очень уязвимое в его механизмах.

А угольщик «Кубань», ходивший десятки лет вверх и вниз по Волге и всем ее притокам, кажется, завершал свою долгую жизнь. Стокилограммовая бомба врезалась в носовую часть, пробила ее и остальные переборки и рванула где-то внизу у днища.

На воздух взлетела едва не половина парохода. Кувыркались куски палубы и бортовой обшивки. Ладно пригнан-

ные старыми мастерами дубовые доски, рассыпаясь и ломаясь, как спички, кувыркались в дыму и пламени мощного взрыва. Мачта взлетела вертикально вверх и разломилась на несколько частей.

Вторая бомба прошла рядом и взорвалась, видимо, на неглубоком дне, проломив борт. Когда опал фонтан воды, Костя успел разглядеть вмятину метра три в диаметре со сквозной трещиной, которая расползлась вдоль и поперек лопнувших досок.

Хлынувшая вода мгновенно расширила трещину. В огромный провал устремился поток воды. Старый пароход тонул, все больше задирая корму и одновременно заваливаясь набок.

С бортов прыгали люди, торопясь отплыть подальше от тонувшего парохода. На плашкоуте рубили тросы. Два других «юнкерса», понимая, что тяжело груженный плашкоут, лишенный хода, никуда от них не денется, спикировали на корабли. Один – на тральщик, второй – на головной бронекатер «Смелый», где, кроме командира катера, находились старший группы Зайцев и полковник со своей свитой.

Здесь им пришлось сложнее. «Юнкерсов» встречала не допотопная зенитка «Кубани», а две скорострельные «сорокапятки» тральщика и целая батарея пулеметов, в том числе четыре крупнокалиберных.

Ю-87, целивший в бронекатер «Смелый», не рискнул пикировать слишком низко. Четыре «стокилограммовки» взо-

рвались с недолетом или в стороне от катера. «Смелый» подбросило валом бурлящей илистой воды, но плоскодонное суденышко, заваливаясь на один и другой борт, держалось, как ванька-встанька.

Одна из пулеметных трасс пробила фюзеляж и широкий киль самолета с черной свастикой среди разводов камуфляжа. Замыкающий «Юнкерс» вильнул и прибавил скорость. Вслед ему ударила пушка из танковой башни бронекатера. Угол вертикальной наводки у этих «трехдюймовок» был низковат для воздушных целей. Стреляли сгоряча, не слишком надеясь попасть, зато добавили грохоту в разгоревшийся бой.

Костя Ступников расстрелял обе ленты и торопливо перезаряжал пулеметы. «Мессершмитты» снизились над плашкоутом, сбросили несколько мелких бомб и обстреляли дощатое судно из пушек и пулеметов. Бомба снесла рубку, наверное, убив капитана и тех, кто там находился, а 20-миллиметровые пушечные снаряды зажгли что-то на палубе. Воспламенить цистерну немцам не удалось.

Над «Верным» истребители пронеслись с такой скоростью, что Ступников не успел поймать их в прицел. Снаряды и пули обрушились сверху на «Каспиец», который встретил их огнем трех своих пулеметов. Кормовой «максим», в открытой башне, дал одну очередь и захлебнулся. Командир расчета был убит пулей в голову. Пулеметы «Каспийца», все три винтовочного калибра, не причинили «мессершмиттам»

вреда.

Зато «мессер», идущий в паре вторым, попал под огонь спаренного ДШК бронекатера «Смелый». Несколько пуль пробили крыло, вырвали клоч обшивки, истребитель нырнул и крутанутся вдоль оси. Кое-как выровняв полет, «мессершмитт» прибавил скорость и унесся прочь. Обе пушки и пулеметы молчали, пилоту было не до стрельбы.

Вокруг затонувшего парохода плавали, цепляясь за обломки и спасательные круги, матросы из команды, красноармейцы. Плашкоут, на котором тушили пожар, медленно несло течением. На месте рубки торчали обломки, из-под которых вытаскивали тела убитых и раненых.

Немецким летчикам нельзя было отказать в смелости. Все три «юнкерса», описав круг, снова пошли в пике на корабли, огрызающиеся непрерывным огнем. «Сорокапятка» тральщика достала головной самолет, когда тот, оглушительно ревя двигателем, выходил из пике.

Снаряд разорвался, проделав дыру в серебристом, как у судака, брюхе бомбардировщика. Брызнули обломки и куски обшивки, вынесло стекло в кормовой части кабины. Спаренный пулемет задрало стволами вверх, голова стрелка исчезла. Поврежденный Ю-87 стремился набрать высоту. Усиленная броня не давала ему развалиться, но мотор работал с перебоями. Перебитые тяги мешали держать курс, тяжелый «юнкерс» то нырял, то рывком поднимался на десяток метров вверх.

Если бы он сумел обойти идущие следом «Смелый» и «Каспиец», возможно, дотянул бы до берега. Но оба бронекатера не собирались упускать фрица. Спаренная трасса прошила мотор. «Каспиец» добавил не меньше десятка пуль в основание крыла – уязвимое место любого самолета. «Юнкерс» встряхнуло, крыло подогнулось. От сильного рывка в дыру провалилось тело мертвого стрелка, вернее, его ноги до колен, а из разбитой кабины повалил дым. Жуткое и необычное зрелище – болтающиеся между шасси ноги в темных штанах и ботинках, бьющийся в тряске самолет и медленно скручивающееся крыло, в котором строчка пулевых отверстий превратилась в трещину – металл лопался, не выдерживая нагрузки.

Пилот, командир звена, выжимал из мотора все что мог, чтобы дотянуть до берега, но скорость на форсаже делалась его главным врагом, доламывая крыло.

«Верный», получивший по радиации команду взять на буксир плашкоут, оказался ближе всех к поврежденному «юнкерсу». Ступников бил прицельными очередями, целясь в двигатель. Из капота выбился один, другой язык пламени, потянулся шлейф дыма.

Матросы на палубе «Верного» свистели и топали ногами вслед подбитому «юнкерсу». Сигнальщик Валентин Нетреба, стоя во весь рост на рубке, стрелял вслед немцу из карабина, быстро передергивая затвор и досылая очередной патрон.

Звонко ударило кормовое орудие. Близнецы надеялись прикончить низко летящий бомбардировщик, но снаряд прошел мимо и взорвался, врезавшись в край глинистого яра, подняв красно-коричневое облако комьев и пыли.

Туда же, спустя секунды, врезался обреченный Ю-87 с его усиленной броней, полуотвалившимся крылом и торчавшими ногами стрелка. Мощный взрыв обрушил один из уступов. Вниз покатился огненный шар, увлекая за собой лавину глины. Узкую полосу песчаного берега завалило глинистой горой с торчавшими обломками «юнкерса», по воде стелилась пелена дыма и пыли, в заливчике горел вытекший из баков остаток бензина.

– И могилы не надо! – выкрикнул один из близнецов, высовываясь из башни.

– Здорово мы его уделали, – суетился Федя Агеев, подавая коробки с лентами.

– Весь отряд палил, – отозвался Ступников. – Чему радоваться? Вчетвером одного фрица завалили.

– Ну хоть одного. Попробуй завали «лаптежника»! Он весь бронированный. А мы сумели!

– Помолчи, Федя, – попросил старшина второй статьи Ступников и вздохнул, заряжая новые ленты.

Радоваться было действительно нечему. Пароход «Кубань» утонул, спаслось не больше десятка человек. Избитый плашкоут воткнуло в песчаную косу. Судно дымило, палуба

была завалена обломками, и жертв там наверняка имелось немало. Два «юнкерса» шли на тральщик. Они понимали, что остальные корабли без него станут беззащитными против донных мин. Кроме того, сыграло желание отомстить. Ведь это пушка с тральщика нанесла смертельное повреждение их собрату.

Зайцев уже не раз сталкивался со злым упорством немецких летчиков, которые, не считаясь с риском, мстили за гибель своих камрадов. Будучи ближе других к тральщику, лейтенант дал команду вести огонь из всех стволов, даже из орудийных башен.

– Накроют они его, сволочи! – бормотал лейтенант и одновременно дал по радиации команду капитану «Верного» Николаю Морозову: – Прокофьич, попробуй сдернуть плашку-ут с мели. Он там как клоп на потолке. Всадят пару очередей – вспыхнет сразу. Удивительно, как до сих пор не подожгли.

Ответ мичмана Зайцев не расслышал. «Юнкерсы», включив сирены, пикировали на тральщик, не обращая внимания на встречный огонь. Бомба разнесла в клочья трал, две других легли в стороне. Зато точно в цель ударил второй Ю-87.

Тральщик, переоборудованный из буксира, уже два месяца чистил русло от мин, сопровождал караваны и был их надежным спутником. На скорости восемь узлов он умудрялся маневрировать, уходить от самолетов и даже огрызался своими мелкими «сорокапятками». Но сейчас «юнкерс» шел на небольшой высоте, не уклоняясь с боевого курса. Командир

тральщика понял, что вряд ли сумеет уйти, хотя обе «сорокапятки» стреляли непрерывно, как автоматы, а «максим», установленный на баке, выпускал третью или четвертую по счету ленту.

– Лево руля! Самый малый ход!

Винты, бурля, погасили скорость, но это спасло лишь от первой бомбы. Бомбы были осколочными, взрывались, едва касаясь воды. Заостренные, как лезвия, осколки, скрученные куски оболочки бомб, способных проломить дыру диаметром с метр, сотни мелких, не менее смертоносных, кусочков рваного металла разлетались в разные стороны.

Весь этот шквал обрушился в основном на надстройки тральщика, снося и дырявя все подряд. В рубке с выбитой дверью и стеклами остались только мертвые: капитан, лоцман, рулевой. Труба, перебитая большим осколком, медленно заваливалась набок, половину мачты срезало, и она висела на проводах.

Одну из «сорокапятки» вышибло из креплений, рядом лежал расчет. В нескольких местах начался пожар, но машина упорно толкала никем не управляемый корабль, все больше оседающий на нос.

Досталось шедшему следом «Смелому». Взрыв за кормой встряхнул бронекатер с такой силой, что заглох двигатель, лопнули соединения топливных труб, несколько человек контузило. Осколки лязгнули об орудийную башню, один врезался в стену рубки, пробил не слишком толстую

броню и застрелял в обшивке.

Оба «юнкерса» миновали стороной «Каспийца» и на выходе из пике ударили из спаренных кормовых пулеметов по «Верному» и плашкоуту. Косте показалось, что по катеру словно прошлись гигантским отбойным молотком. Стучало и гремело повсюду, башню трясло.

Он не успел открыть огонь, так как менял ленты. Сумел зарядить лишь один ствол и, не тратя времени на второй, ударил, хоть и с запозданием, в хвост «юнкерса». Наверное, промахнулся, а очереди сверху хлестали по застывшей на мели деревянной посудине.

Тральщик, описывая циркуляцию, все глубже погружался в воду. С палубы махали руками, кричали:

– Спасите раненых! Судно тонет!

– Командира убили!

«Смелый» шел на выручку. Механики запустили машину, но она работала с перебоями, бронекатер трясло всем корпусом. Казалось, еще минута, от вибрации лопнет какая-нибудь железяка и судно начнет разваливаться. Из трюма выскочил адъютант полковника, рукав гимнастерки был испачкан кровью. Испуганно закричал:

– Майор Одинцов погиб! Снаряд палубу насквозь пробил и прямо под горло ему врезался. Меня осколками ранило.

Зайцев кивнул фельдшеру Репникову:

– Перевяжите старшего лейтенанта.

Но адъютант, потеряв голову от пережитого страха, про-

должал выкрикивать, вытянув вперед раненую руку:

– Голову почти напрочь... нижнюю челюсть оторвало, и язык висит.

Из люка высовывался кто-то из помощников полковника:

– Тонем, да?

Что странно, в голосе не звучал страх и человек не рвался выбраться наружу. Видимо, он был контужен и находился в шоке.

Люк с силой захлопнули. Фельдшер Матвей Репников, обстоятельный мужик, работал когда-то ветеринаром. Потом из-за нехватки медиков отучился на фельдшерских курсах и с начала тридцатых годов обслуживал с десяток деревень в саратовской глуши. Выносливый и работающий, он дело свое знал. Перевязал адъютанта, сходил, глянул на майора, которому действительно оторвало нижнюю челюсть и убило на повал.

Потом принесли раненного осколками матроса, и он занялся им, не обращая внимания на самолеты и стрельбу. Напуганный адъютант привязывался к фельдшеру:

– Руку не отрежут? Мяса целый кусок вырвало. Посмотрите хорошенько, кровью истеку...

– Мясо не кости. Зарастет, – переворачивая тяжело раненного моряка на бок, бормотал Матвей Репников, имевший пятерых детей, двоих из которых недавно призвали на фронт.

Инженерный полковник не мог найти себе место. На па-

лубе опасно, но и в рубке не лучше. Фашисты-сволочи в нее и целят, чтобы одним махом перебить всех командиров. К известию о гибели майора, своего помощника, он отнесся безучастно, каждую минуту ожидая, что бомба ударит в бронекатер. Безопасных мест здесь нет – хоть в воду прыгай.

– Товарищ полковник, – пытался о чем-то спросить его адъютант, но тот не слышал, напряженно уставившись в небо.

Там перестраивались и готовились к новой атаке четыре вражеских самолета. Тем временем бронекатер подошел к борту тонущего тральщика. Оттуда осторожно передали тело погибшего командира, еще несколько убитых, перетаскивали раненых.

Один из них был перемотан бинтами, словно кокон, от щиколоток и до живота. Бинты насквозь пропитались кровью, а человек-кокон лежал без сознания с белым как мел лицом. Еще один, с примотанным к туловищу обрубок руки, сам перелез через леера и без сил опустился на палубу.

Почти все раненые были тяжелыми, осколки бомб калечили людей, нанося рваные раны. Полковник оглядел лежавшего без сознания моряка с тральщика, тяжело и быстро выдыхавшего воздух вместе с розовой пеной, – вдыхал он тяжело, с булькающим хрипом.

– Не жилец, – сочувственно обронил кто-то. – Грудину насквозь просадило.

Репников на минуту оторвался от перевязки, глянул на

хрипящего моряка, приподнял край бушлата, которым он был накрыт.

– Безднадежный, – подтвердил он. – Осколок с ладонь размером насквозь прошел. Все ребра справа перебиты и легкое наружу.

Адъютант, боявшийся за свою руку, с ужасом наблюдал, как в груди умирающего моряка вздымается и снова проваливается розовый ком, а заостренные края перебитых ребер торчат наружу. Неужели и его, отличника, одного из лучших выпускников Ленинградского училища, может настичь такая судьба? У него мама, известный в городе врач, красивая молодая жена, которая любит и ждет.

Полковник, застыв, продолжал стоять, задрал голову вверх. Немецкие самолеты разделились на две группы. Два «юнкерса» разворачивались в сторону «Смелого», стоявшего неподвижно борт о борт с полузатонувшим тральщиком. Оттуда продолжали передавать тела убитых или раненых, какие-то толстые журналы. Боцман с помощником тащили в охапках карабины и связки подсумков. Они что, с ума посходили? Какие сейчас журналы и кому нужны карабины?

– Лейтенант, – стараясь придать голосу власть, очнулся от шока полковник. – Немедленно прикажите дать полный ход. Нас сейчас разнесут. Вы меня слышите?

Он вцепился в плечо Зайцева, но тот оттолкнул его:

– Марш в рубку... или к черту. Не мешайте.

С затопленного по самый борт тральщика спрыгнул по-

следний из экипажа, штурман с ворохом карт под мышкой и массивным компасом. Обернулся, прощаясь с гибнущим судном, и снял фуражку.

— Огонь! — не владея собой, выкрикивал полковник. — Дождались. Вот они... вот. Смотрите!

Поглядеть было на что. Пара «юнкеров» шла боевым курсом на все еще неподвижный бронекатер, стоявший борт о борт с тральщиком. Двигатель уже запустили. Моряки отталкивали баграми затонувший до палубы тральщик. «Мессершмитты» стремительно неслись в сторону «Верного», наводившего буксирные тросы на застрявший среди мели плашкоут.

«Бомбы. Если у них остались бомбы, они не промахнутся», — сжимаясь в комок у рубки, думал полковник из штаба. Назначение в Сталинград не было для него неожиданностью, но штаб фронта находился на левом пойменном берегу, густо заросшим лесом. Наверняка там оборудованы надежные укрытия и созданы нормальные условия для работы. Риск, конечно, есть, бомбежки не прекращаются, а с холмов ведут огонь многочисленные немецкие орудия.

Но по крайней мере это не Сталинград, где бои идут круглые сутки и передаются шепотом слухи, что город немцы фактически взяли, а 62-я и 64-я армии обороняют лишь узкую полосу на правом берегу.

Но оказалось, что Сталинград пока еще не самое страш-

ное. Кто-то додумался послать руководящих работников на мелких катерах в путь за пятьсот километров по насквозь простреливаемой и заминированной реке!

Господи, пронеси! «Юнкерсы» пикировали, снова включив свои жуткие сирены. От головного самолета отделилась увесистая массивная бомба и, кувыркаясь, понеслась прямо на бронекатер. Одновременно открыли огонь носовые пулеметы.

Трассы с резким, как удары кнута, звуком взбивали фонтанчики воды, затем пули прошли по корпусу «Смелого», щелкая, плющаясь, взрываясь роем разноцветных искр. Закутанного, как кокон, моряка с тральщика подбросило несколькими попаданиями. Вскрикнул и бессильно распластался на палубе кто-то еще.

Главным оружием пикировщиков Ю-87 были бомбы, но их уже израсходовали, оставалось по два носовых и по два кормовых пулемета. Оба «юнкерса» пронеслись, как показало полковнику, едва не над головой, но пилоты опасались встречного огня крупнокалиберной установки ДШК и не рискнули спуститься ниже четырехсот метров.

Но падала еще бомба. Все, конец – от нее не спасешься. Бомба, не долетев до «Смелого», который успел отойти на десяток метров, ударилась со странным гулким звуком о полузатопленную деревянную палубу тральщика. Не выдержав напряжения, тревожно ахнули десятки голосов.

Это была не бомба, а сброшенный запасной бак. Он гром-

ко шлепнулся, со скрежетом раскрывшись, как консервная банка, и пошел на дно вместе с тральщиком. Выходя из пике, оба «юнкерса» обстреляли, не жалея патронов из кормовых пулеметов, «Смелый», а заодно и «Каспиец». Было непонятно, зачем пилоты «юнкерсов» рисковали кидаться с пулеметами винтовочного калибра на катера. Броня катеров была им явно не по зубам. Наверное, решили показать арийскую решительность. Они даже отомстили за уничтоженного собрата, добив плотным огнем несколько раненых на палубе «Смелого», которых не успели перенести вниз. Только спуститься ниже не рискнули из-за встречного огня крупнокалиберных ДШК.

И не стали спускаться низко оба «мессершмитта». Наверное, у них было задание добить, зажечь уже изрядно потрепанный плашкоут. Они могли неплохо врезать из своих 20-миллиметровок и «Верному», также стоящему на месте и пытавшемуся сдернуть баржу с мели.

Костя Ступников видел оба истребителя отчетливо. Успел спокойно, не слишком нервничая, дать несколько очередей. Один из «мессеров» качнуло, но пятьсот-шестьсот метров было далеко и для точного огня ДШК, и для пушек обоих истребителей.

Они пронеслись стремительно, сумели попасть несколькими снарядами в плашкоут. Упрямая калоша, загруженная сверху бочками, не загоралась. Истребители уходили, набирая высоту, причем задний явно отставал, вытягивая за со-

бой тонкую струйку дыма.

– Ушли, сволочи! – Костя в сердцах стукнул кулаком по казеннику.

– Зацепили мы его, – снова лез наверх Федя Агеев. – Все равно шлепнется.

Раскачав, кое-как сдернули с мели баржу. Оказалось, спасли ее принайтованные на палубе и на крыше цистерны бочки с маслом и солидолом. Некоторые были разорваны крупными осколками, в других виднелись крупные и мелкие пробоины. Но масло и солидол поджечь не просто, и бочки сыграли роль защиты.

Кое-как дошлепали до затона под Райгородом. Срочно послали двух матросов за транспортом, чтобы вывезти раненых. Снизу в лучах заходящего солнца сверкал ярко-желтый купол церкви.

– Большой город? – спросил кто-то из новичков.

– Село это. Даже не райцентр, – пренебрежительно отмахнулся артиллерист Вася Дергач. – Одно название, что Райгород. Здесь до Светлого Яра недалеко, там и больница есть, помогут нашим.

Тела погибших отнесли в сторону, накрыли шинелями и брезентом.

– Семнадцать душ, – подсчитал один из моряков. – А сколько еще утонуло...

– У нас на тральщике тридцать два человека экипаж был, – затягивался сигаркой минер. – Осталось тринадцать,

считая раненых. Трое вместе с остальными лежат, завтра хоронить будем. Как раз половина экипажа, а где остальная половина, один бог знает.

– На дне, где же еще?

– И на «Кубани» не меньше двадцати человек погибло...

– Вот тебе и война. Сбили одного «лаптежника» и хвалимся. А у нас два корабля ко дну пошли, и мертвых никак не сосчитаем. С полсотни, наверное, наберется, да сколько еще раненых выживет, непонятно.

Уже затемно приехали несколько подвод, забрали раненых. Ужинали все без аппетита, хотя Зайцев приказал налить по сто граммов с «прицепом». Катера замаскировали. Камуфляжных сетей не хватало, натыкали веток, молодых срубленных деревьев.

Полковник, шумевший больше всех, хорошо хлебнул и расхаживал по берегу вместе со своим раненым адъютантом. Настроение его изменилось. Лейтенанта Зайцева, командиров катеров он хвалил, обещал представить к наградам:

– Молодцы! Крепко фрицам врезали. «Юнкерс» в клочья разнесли и «мессера» хорошо подковали. Видели, как дымил? Свалился и сгорел где-нибудь в степи, гадина фашистская.

– Точно, – поддакивал адъютант, выставив оцарапанную осколком руку. – И остальным гадам досталось, едва ноги унесли.

Морозову стало противно. Он шепнул Зайцеву:

– Уведи ты их, Степан. Чего они тут чушь несут? Такие потери понесли, а оба хвалятся, дурь показывают.

А полковник переключился на другую тему:

– Майора Одинцова убили. Героя! Отдельно похороним, памятник поставим. Лично к ордену его представлю.

На этот раз Зайцев не выдержал:

– Хоронить всех вместе будем. Знаете, что такое братская могила? Там все равны: и майоры, и рядовые. А вы идите спать в мою каюту, товарищ полковник. Намаялись сегодня, понервничали под обстрелом.

Последние слова прозвучали с явной насмешкой, но полковник ее не уловил и согласился:

– Да, повоевали крепко. Ладно, пойдешь, проводишь до каюты.

Небольшая команда плашкоута занималась ремонтом. Забивали колышки в пулевые отверстия, ставили пластыри. Наскоро сколотили новую рубку, восстановили руль.

Костя Ступников сидел, откинувшись в кресле, глядя в небо. Ночи в сентябре обычно звездные. Но пелена, затянувшая северный край горизонта, погасила большинство звезд на этой половине небосвода.

Взрывы доносились хоть и приглушенно, но вполне отчетливо. Вспыхивали зарницы, и совсем рядом ворочался, ухал огромный фронт. Что будет завтра?

Глава 3

Огненная река

на совещании командования вермахта 12 сентября 1942 года Гитлер поставил задачу перед 6-й армией Паулюса: как можно быстрее взять Сталинград и полностью очистить берега Волги от обороняющихся советских частей.

Для многих немецких генералов штаба вермахта складывалась непонятная ситуация. 23 августа 14-й танковый корпус немцев, в котором насчитывалось 250 танков, полторы сотни бронемашин, артиллерия, пехотные части, сделал мощный рывок. Преодолев за день шестьдесят километров, почти не встречая сопротивления, он вышел к Волге на северной окраине Сталинграда.

Город к тому времени бомбили сотни самолетов. К вечеру он превратился в горящие развалины. Волга была перекрыта. Огромный поток нефтепродуктов, следовавший по реке в промышленные центры России, прервался, и это был тяжелый удар для советской оборонной промышленности.

В тот день немцы надеялись вступить в город. Советское командование прозевало мощный бросок, войска оказались не готовы к отпору. С запозданием объявили воздушную тревогу. Зениток хватало, но дезорганизованность привела к тому, что лишь за один воскресный день 23 августа от бом-

бежки в Сталинграде погибло 30–40 тысяч мирных жителей.

Секретарь обкома Василий Чуянов, получив известие о том, что немецкие танки стоят у города, кинулся обзванивать штабы, где толком ничего не знали даже генералы. Более того, они не нашли ничего более разумного, как попросить совсем не военного человека, секретаря обкома:

– Сделайте, что возможно, для отражения немецкого удара до подхода наших войск.

Чуянов сделал. В бой против бронетанкового корпуса бросили рабочих-ополченцев, бойцов 10-й дивизии НКВД, курсантов и несколько зенитных батарей, расчеты которых состояли из девушек-зенитчиц.

Никто из них практически не имел опыта борьбы с танками. Эти разрозненные части, в том числе восемнадцатилетние зенитчицы, погибли почти целиком. Но выполнили свой долг и не дали немцам с ходу ворваться в город. К ночи подошли регулярные части и вступили в бой.

Бои на окраинах шли три недели, и лишь 15 сентября немцы сумели ворваться в разрушенный, горевший Сталинград. Во главе 62-й армии, оборонявшей город, уже стоял новый командарм, молодой, энергичный генерал Василий Иванович Чуйков. Бои приняли ожесточенный характер. Несмотря на упорное сопротивление наших войск, вскоре был взят центральный вокзал. Очевидцы вспоминали, что на город хлынула масса моторизованной пехоты, танки, шла непрерывная бомбежка позиций советских войск.

Немцы не считались с потерями, что было для них не характерно. Слишком категоричную позицию занял Гитлер. Вскоре штурмовые части вышли на берег Волги возле центральной переправы, захватили большую часть берега от устья реки Царица вниз по Волге.

Все эти дни горел не только город, но и Волга. Многочисленные бензохранилища, баки с нефтью, танкеры были взорваны, и в Волгу стекали целые потоки солярки, нефти, бензина. Пароходы, катера, вывозившие беженцев, буквально прорывались сквозь огонь горячей реки. Лишь бы не подвел двигатель, иначе конец! А сверху вели непрерывную бомбежку и обстрел судов немецкие самолеты 4-го воздушного флота генерала фон Рихтгофена.

Во второй половине сентября сформировалась линия фронта, занимавшая узкую полосу на обрывистом берегу Волги. Тылом считалась отмель под обрывом, где возводились причалы, размещались склады, медсанбаты, штабные службы.

Моряки, прибывшие на бронекатерах, не знали, что 62-я и 64-я армии, защищавшие город, отрезаны друг от друга. Фронт 62-й армии имеет в глубину 200–300 метров, и сражается она практически в окружении, получая подкрепление только водным путем ночами через Волгу под непрерывным огнем противника. Учитывая обстановку, корабли Волжской военной флотилии были подчинены Сталинградскому фронту.

Волга стала, по существу, второй линией фронта, и потери на воде были огромными. Кто бывал в Сталинграде, знает, что правый берег представляет собой цепь холмов (самый крупный – Мамаев курган), на которых были расположены десятки немецких артиллерийских батарей.

Река была как на ладони, а ночная темнота помогала переправе лишь отчасти. Над Волгой, и без того освещенной пламенем пожаров, непрерывно взлетали осветительные ракеты. И не только из ракетниц, но и яркие «люстры» на парашютах, выпущенные из минометов и сброшенные самолетами.

Крепко помогала наша артиллерия, укрытая в пойменном левобережном лесу, но огонь ее был недостаточно эффективен. Он велся с расстояния 3–5 километров до цели, снаряды шли с большим рассеиванием, и немцы на протяжении всего сражения держали переправы под прицелом.

Что касается военных кораблей, то это были в основном катера и небольшие тральщики. Они делали что могли, гибли и воевали до самого ледостава, когда в декабре Волга окончательно встала.

Такова была обстановка, когда под селом Райгород остановились для ремонта три бронекатера. Еще несколько прибыли в Сталинград ранее и уже принимали активное участие в боях за город.

Костя Ступников до войны жил в рабочем поселке на

окраине Камышина. За оврагом возвышались новые здания, несколько заводов, порт, а поселок, разбросанный по склонам оврага, больше напоминал деревню. Мелкие дома-мазанки, слепленные в основном из глины, укрепленные бревенчатым каркасом и дранками. Огород, где сажали картошку, овощи, тыквы, несколько фруктовых деревьев. Еще загончик для двух коз и курятник с десятком кур. Вот и все хозяйство.

По вечерам поселок погружался в темноту, электричество дойдет сюда еще не скоро. Тускло светились в наглухо замаскированных окошках керосиновые лампы, да и то зажигали ненадолго – керосин был дефицитом.

Семья Ступниковых жила бедно, как и большинство семей поселка. Четверо детей, дед с бабкой, а работал в основном только отец. Поэтому братья и сестры уже лет с тринадцати начинали подрабатывать, где удастся: нанимались к бахчевникам, пасли скот, а Костя несколько сезонов отработал в рыбацкой бригаде.

Несмотря на все трудности, тянулся к учению, любил книги и единственный из парней на их улице закончил семилетку (ходил за три километра в город), а затем даже поступил в техникум, где успел отучиться один год.

Перед войной едва не женился, но невеста вовремя прикинула, что ничего хорошего ее не ждет. Костя парень крепкий, рослый. Поговорить (да и пообниматься) с ним приятно, но ютится семья в убогом тесном доме, где, кроме отца

с матерью, младших братишек и сестры, доживают свой век дед с бабкой. Молодым и приткнуться негде, разве что в отдельном углу, едва не на виду у всех.

– Знаешь что, Костя, – не выдержала невеста. – Ищи-ка ты себе другую, а в твоей халупе и без меня развернуться негде.

– Ты чего, Натаха? – не понял ее жених. – Пристройку сделаем.

– Из коровьего навоза...

В этом невеста была права. Заволжье ниже Саратова – сплошная степь. Леса мало, тем более строительного. Рубленный из сосны дом считался признаком большого достатка. В основном тесные дома лепили из самана, а камышовые и соломенные крыши трепал, разлохмачивал постоянный степной ветер.

– Подожди, Наташка. Я и деньги уже начал откладывать. В техникуме учусь, мастером стану.

– Не скоро ты им станешь, да еще в армию заберут. Мне уже девятнадцать, чего еще ждать? Скоро пальцами в спину тыкать начнут. Все ровесницы замужем, а эта, видно, совсем никудышная – никто не берет.

Если прямо сказать, то до красавицы Наташке было далеко. Обычная девчонка с конопатым, по-своему приятным лицом и рано созревшими округлыми формами. Но кроме Кости, заглядывались на нее и другие парни. Хозяйство у Наташкиного отца крепкое, сама не дура, и подержаться есть за что.

Вот так и закончилось неначавшееся сватовство. Наталья вышла замуж за сына кожзаготовителя, зажиточного, по меркам нищего поселка, мужика, имевшего просторный дом, лошадь, домашнюю скотину и построившего молодым отдельный флигель. Теперь, встречаясь на улице, Костя старался обойти бывшую невесту стороной, а та вообще в его сторону не смотрела. Хорошо одетая, в сумке покупки – денег в новой семье хватало.

Но вскоре началась война, и все это несуразное сватовство стало казаться ерундой по сравнению с огромным несчастьем, свалившимся на всех. До конца путины военкомат рыбаков не трогал. Бригада без выходных, с утра до ночи, плавала с сетями, и каждый день увозили на пристань корзины с рыбой, переложенной льдом.

Забрали на фронт отца, двоюродных братьев, почти всех молодых парней в поселке. И как в воду канули. Молчание, редкие письма, сплошь замазанные цензурой. Что в них секретного или откровенного, понять было невозможно. Разглядывали листки на свет, пытаясь прочесть, но краска у цензоров была качественная.

К осени пошли похоронки, а больше всего сообщений «пропал без вести». Иногда складывалось так, что вообще ничего не поймешь. Приходила похоронка, следом известие, что пропал без вести, а потом затертое, невесть когда отправленное письмо от сына или мужа, что, мол, жив-здоров, воюет. Неразбериха была полная, как и сообщения по радио с

фронтов.

То бубнят, что отбросили немецкие войска от какого-то крупного города, расколошматили дивизию и кучу танков, а спустя неделю новое сообщение – бои идут уже восточнее. Значит, взяли фрицы этот город.

Костина тетка бегала, как полоумная, выла, ходила в военкомат – у нее пропали без вести оба сына, а муж как в воду канул – ни писем, ни сообщений. Сытый военком объяснял: муж и сыновья воюют, не до писем. Когда тетка ему окончательно надоела своими причитаниями, приказал часовому вообще не пускать ее в военкомат.

– От дел только отрывает!

На этом безрадостном фоне по-дурацки хвастливыми выглядели письма соседа по улице Женьки Сиротина, который попал в летную школу, хвалился, что уже летает, а фашистов-гадов наши соколы били и бить будут. Мол, вы обо мне еще в газетах прочитаете. Бабы, уже потерявшие своих сыновей, только головами качали, а мать Женьки оправдывалась:

– Он у меня с детства дурачок был. Кто же его в летчики определил? Пропадет он там.

И начала плакать вместе с остальными соседками. А Костю призвали в середине декабря. Тогда не умолкал репродуктор, сообщая о мощном наступлении наших войск под Москвой.

Так получилось, что попал он в одну команду с Наташкиным мужем. Отец сумел какое-то время, пользуясь связями,

продержать того в тылу, но в декабре добирали подчистую. Ходили слухи, что погибли и попали в плен многие тысячи. Слово «миллионы» и произносить боялись, хотя потери, как много позже выяснилось, исчислялись к концу года именно миллионами.

Бывший соперник, а теперь Наташкин муж был грузный, хорошо откормленный, но фронта боялся не на шутку и пытался держаться ближе к Косте Ступникову.

– Мы ж навроде родственников...

– Пошел бы ты подальше, – презирая заискивающего здоровяка, гнал его прочь Костя. – Ищи другое место, не трись возле меня.

Хотя в чем тот был виноват? Ну, выбрала Наташка его, и пусть живут. Просто разозлило, что сытый «родственник» в поселке здоровался через раз, а здесь в друзья полез. Куда его распределили, Костя не знал, а сам прошел под Астраханью пятимесячную учебу во флотском экипаже.

Хотя занимались больше рытьем укреплений, строительством и склады охраняли, но закончил учебу успешно, получив звание старшины третьей статьи. Если по-армейски считать, то младший сержант. Ходил на сторожевике, а летом был направлен на прибывший во флотилию дивизион бронекатеров.

За хорошие показатели Ступникова повысили в звании и назначили командиром зенитно-пулеметной установки. Крупнокалиберных пулеметов на флоте тогда имелось со-

всем мало. Против пикирующих и низко летящих самолетов использовались в основном «максимы» и «дегтяревы», от которых толку почти не было. Слабый против немецкой авиации калибр.

А тут доверили спаренную установку ДШК калибра 12,7 миллиметра. Пули толщиной с палец и по техническим данным достигают цель на высоте двух с половиной километров, а на пятьсот метров бронемашину подбить могут. Почти пушка. Пробьет или нет, пока не ясно, но пулемет Костя освоил старательно и на учебных стрельбах разносил мишени в клочья.

Командир катера «Верный» Костю хвалил и не раз выносил благодарность за успехи в боевой подготовке. Старшина второй статьи Ступников бросал ладонь резким жестом к бескозырке и четко отвечал по уставу:

– Служу трудовому народу!

– Покажем гадам! – хвалился не хуже соседа Женьки Сиротина второй номер установки Федя Агеев.

Старательный парень, хоть и суетной и всего пять классов закончил. Экипаж бронекатера Ступникову нравился. Ребята дружные, веселые. Кроме Феди Агеева, скорешился с артиллеристом Васей Дергачом, уже успевшим повоевать на танке, едва не сгоревшим и переведенным на укрепление в отряд бронекатеров.

Подружились с сигнальщиком Валентином Нетребой. Среди экипажа катера он выделялся не только физической

силой, но и рассудительностью, умением принять правильное решение в сложной обстановке. Место сигнальщика – в рубке возле капитана. Сигнальный прожектор установлен рядом с пулеметной установкой на крыше рубки, откуда Валентин сигналил либо флажками, либо светом прожектора.

Считай – соседи. Часто присаживается рядом с башней, перекуривают, ведут разговоры о жизни. Валентину двадцать шесть лет, отслужил во флоте срочную службу еще до войны. После демобилизации женился, успели родить с женой двух дочерей, но в сорок первом его снова призвали во флот.

Валентин считается одним из наиболее опытных специалистов, а в экипаже пользуется авторитетом, является как бы вожаком. Если случаются изредка конфликты, то решаются они обычно без командира или боцмана. Валентин умеет расставить все по своим местам. А еще он хороший баянист. Сидеть на рубке с баяном, конечно, глупо, но Нетреба часто напевает разные песни своим негромким сильным голосом.

Дорого обошелся бой с немецкими самолетами. Кто-то произнес слово «стычка», но Валентин отрицательно покачал головой:

– Нет, ребята, это не стычка, а самый настоящий бой. Кто не нюхал пороху, теперь знает, как все происходит. Не на картинках или по радио, а на самом деле. За полчаса полсотни человек и два корабля потеряли.

Долго рыли могилу, меняясь по четыре человека. Высохшая за лето земля поддавалась с трудом. В сентябре дождей тоже почти не было. К семнадцати погибшим прибавились трое умерших от ран и ожогов. Их и в госпиталь ночью не повезли – бесполезно. Обгорелые, как головешки, и сквозные осколочные ранения.

Инженерный полковник начал было суету насчет своего убитого помощника – майора. Отошел от вчерашнего страха и снова почувствовал себя начальником, требовал похоронить майора обязательно в гробу и отдельно.

– Заслуженный командир был! В штабе его уважали, в любых чертежах разбирался.

Зайцев разозлился – если говорить о командирах, то ни словом не упомянул полковник погибшего командира тральщика в звании капитан-лейтенанта. Тот в чертежах, может, и не сильно разбирался, но караваны под бомбами водил и погиб, оставаясь до последнего на своем посту. Полковник было смутился, но Зайцев только рукой махнул:

– Ладно, делитесь в своих штабах, кого как хоронить, а моряки все вместе лежать будут. Идите в село, ищите председателя сельсовета. Может, выделит плотников, а мне некогда.

Катера сумели избежать прямых попаданий, но потрепало их крепко. Погиб один матрос на «Смелом» и пулеметчик на «Каспийце». Увезли четверых раненых, в том числе помощника механика «Смелого».

Головному катеру Зайцева досталось больше всех. Одних вмятин и пробоин насчитали штук семьдесят, а двигатель и остальное в машинном отделении, которое попало под удар взрывной волны, требовало немедленного ремонта. Там собрали с пяток специалистов, пилили и заново нарезали резьбу на лопнувших трубах, перебирали двигатель.

«Верный» и «Каспиец» тоже пострадали от близких взрывов, шипела сварка, заваривая мелкие пробоины, меняли клепки, сквозь которые сочилась вода.

Полковник сам в село не пошел, послал адъютанта. Но едва тот добрался до околицы, появилась пара немецких самолетов, сбросили несколько бомб и долго обстреливали какую-то цель. Адъютант хоть и боялся, но дошел до сельсовета и ужаснулся.

Вдоль улицы чернело несколько воронок, горел дом, сухая трава, а вокруг были разбросаны тела красноармейцев. Оказывается, под обстрел попала маршевая рота. Бойцы лежали кучками и поодиночке. Некоторые в новой зеленой форме и со скатками шинелей, другие в гражданской одежде – не успели переодеть.

Набежали жители, помогали относить раненых под тополя, где их перевязывали, поили молоком. Пожилой дядька в полувоенном картузе отчитывал старшего лейтенанта, командира маршевой роты:

– У вас голова на плечах есть? До линии фронта двадцать километров, а вы как на прогулку людей вывели.

Женщины, ходившие между телами убитых, в выражениях не стеснялись. Новобранцы годились им в сыновья, и каждая представляла, что под началом такого раззявы мог оказаться ее сын или муж.

– Чего моргаешь, рожа немытая!

– Наган нацепил, воевать собрался, бляденыш. Ну, какой ты командир? Лучше бы сам подох, а детей спас.

Адъютант, тоже старший лейтенант, попятился назад, затем ускорил шаг. Услышал, как оправдывается командир маршевой роты:

– Мы два дня без отдыха шли. У меня приказ сегодня в Сталинграде быть.

– Ну, вот и будешь сам воевать.

Адъютант вернулся и рассказал о случившемся полковнику. Тот качал головой и повторял:

– Какое головотяпство! Безобразие!

– Ну, что, вашего героического майора вместе со всеми положить будем? – перебил его Зайцев. – Или отдельно могилу выкопаете?

– Со всеми, – сделал скорбное лицо полковник. – В земле все равны.

Быстро закидали лопатами братскую могилу, дали три залпа из карабинов и продолжили ремонт катеров. Моряки со спасенного плашкоута расщедрились и разрешили дозакрепить бронекатера. Хвалили экипажи:

– Молодцы ребята! Одного гада все же скovyрнули. Жаль,

что пушки ваши по самолетам стрелять не могут.

— Они на это не рассчитаны. Угол возвышения малый, — объяснял бывший танкист Вася Дергач. — Вот если против вражеской артиллерии или танков... Тогда мы им покажем.

— Тебя немецкие танки скорее на воде достанут, чем ты их на берегу, — подъезвил кто-то из экипажа плашкоута. — Если бы пушки по уму установили, может, и фрицы бы так не нагтели.

— На войне не все учесть, — важно объяснил Дергач. — Вас-то дотянули, спасли.

— А капитана и еще двоих закопали.

День прошел в суете. Ремонтировали катера. Боцман Ковальчук с двумя матросами сходили в поселок, принесли мешок картошки, арбузов и несколько корзин помидоров. Все трое были навеселе, но в меру. Ковальчук подтвердил, что немцы совсем близко. Вчера появились мотоциклисты, сбили из пулемета красный флаг над сельсоветом, поймали кого-то из местных жителей, допросили и укатали к себе.

По плану ночью следовало миновать южные пригороды, пройти мимо города по дальнему руслу реки, так называемой Старой Волге, и соединиться с остальными катерами дивизиона. Самое сложное заключалось в том, что никто толком не знал обстановку в городе. Ложь и громкие напыщенные фразы о героической обороне города скрывали истинное положение дел.

Ни штабной полковник, приумеривший свое высокомерие, ни командир группы Зайцев не знали, что немцы захватили устье реки Царицы и могут встретить их огнем, едва катера выйдут из-под защиты острова Голодный. Да и путь по Старой Волге был далеко не безопасен.

Кроме немецкой авиации, которая хозяйничала в небе с июля, опасность представляла старая часть города, захваченная немцами, и в том числе элеватор. Здание было сорок метров высоты. С его верхних площадок простреливались оба русла Волги, остров Голодный и левый берег.

Зенитчики и артиллеристы на катерах не покидали свои посты целый день. Время от времени появлялись немецкие самолеты, как правило, небольшими группами. Бомбили какие-то объекты, на бреющем полете проносились над Волгой, совершенно пустынной в дневное время. Огромные тополя, раскидистые ивы в пойме под Райгородом неплохо скрывали катера, но немцам пока было не до них.

Видимо, бомбили линию обороны, следили за передвижением войск на левом берегу. Наши самолеты в воздухе не появлялись. Основные бои шли над центральной и северной заводской частями города.

Костя Ступников сидел на своем месте и вяло перебрасывался односложными фразами с Федей Агеевым. Тот пожаловался, что третий месяц нет писем от невесты.

– Какая невеста? – удивился Костя. – Ты жениться, что ли, собрался?

– А че? Мне девятнадцать в январе стукнет.

Федя был тоже из местных, из небольшого села под Ахтубинском. Старший брат воевал под Воронежем. С весны не пришло ни одного письма.

– Вот ты за него и тревожишься. А девка твоя никуда не денется, разве что огуляют, пока ты ленты заряжаешь.

– Как это огуляют? – возмутился Федя, поднимая испачканное смазкой лицо. – Мы и в клуб вместе ходили, целовались. Я ей на память одеколон хороший подарил, в Ахтубинске за восемь рублей купил.

– Ну что теперь, она тебе за этот стакан одеколona верность должна всю жизнь хранить? – влез в разговор артиллерист Васька Дергач, которому до всего было дело.

– Не стакан, а флакон красивый. Называется «В полет». Самолеты там на картинке, и запах обалденный.

– Ну, вот и будет брызгаться перед танцами. Лицо, подмышки, чтобы лучше пахло.

– Не переживай, Федя, – с серьезным лицом утешил его Валентин Нетребя. – За такой подарок всю войну ждать будет. Ты ведь у нас парень видный. – Сигнальщик, и в разговоре следивший внимательно за небом, показал на тройку самолетов вдалеке: – Летят, гады.

Сообщил об этом капитану, раздался сигнал тревоги. Дергач уже спешил к своему оружию. Костя, подкрутив ручки наводки, снял пулеметы с предохранителя и приготовился открыть огонь.

– Много их? – тревожно спросил Агеев.

– Много. Аж три штуки. Не бойся, они вдоль левого берега идут.

Немецкие самолеты появлялись до вечера еще несколько раз. Чувствовалось, что в небе они хозяева. Бомбили переправу у Светлого Яра, километрах в двенадцати выше зато-на, где укрывались катера. Высоко в небе кружила «рама», двухмоторный разведчик-наблюдатель «Фокке-Вульф-189».

Что-то высмотрел. На закате появилась шестерка «юнкерсов» в сопровождении двух «мессершмиттов». Сыпали бомбы на какую-то цель за Райгородом. Впервые за последние дни увидели наши истребители. Тройка И-16, «ишачки», как их называли, короткие и массивные, словно бочонки, не раздумывая, бросились на фрицев.

Их главной целью были бомбардировщики. Несмотря на свой неказистый вид и не слишком высокую скорость, вер-тые истребители сумели прорваться вплотную к «юнкерсам» и с ходу открыли огонь. «Ишачки» были вооружены в основ-ном скорострельными пулеметами ШКАС (1800 выстрелов в минуту), их характерный треск отчетливо слышался в вечер-нем небе. Замедленно отстукивали короткие очереди авиа-пушки. Но их было не больше двух, и стремительная атака на бронированные Ю-87 принесла слабые результаты.

Один из бомбардировщиков задымил, клюнул носом, но выровнял полет, остальные «юнкерсы», отстреливаясь из но-совых и кормовых пулеметов, шарахнулись в разные сторо-

ны.

– А, зассали! – кричал, потрясая кулаком, один из моряков.

Пулеметные башни бронекатеров были развернуты в сторону боя, но Зайцев огонь открывать запретил – велико расстояние. Кроме того, лейтенант не хотел подставлять под удар приведенные в порядок и готовые к ночному походу корабли.

– Врежьте им как следует, – бормотал Федя Агеев, вылезший по своей привычке наверх и мешавший Косте развернуть в случае необходимости пулеметы.

– Да сядь ты на место, – пихнул его Ступников. – Без тебя разберутся.

Лоцман, присланный на головной бронекатер, уже наблюдал такие схватки не первый раз. Его усагое морщинистое лицо ничего не выражало. Хорошего от исхода боя он не ждал. Слабое вооружение наших истребителей не позволяло нанести крепкий удар по «юнкерсам». Пули уходили рикошетом, высокая скорострельность пулеметов не слишком помогала, а 20-миллиметровые пушки имелись только на одном И-16.

Оба «мессершмитта», на скорости пятьсот пятьдесят километров, догнали наши истребители. Пушечные трассы дотянулись до одного из самолетов, и тот, вспыхнув, стал разваливаться в воздухе. Вниз летели горящие обломки корпуса, обтянутые перкалем, отвалившееся крыло, еще какие-то

куски.

Пара И-16, хоть и потеряла командира звена, сумела на крутом вираже вырваться из-под огня и снова броситься в упрямую атаку. Успели обстрелять двух бомбардировщиков, излохматить крыло одному из них, другому всадить очередь в фюзеляж, но стрелки «юнкерсов», скрестив огонь на головном И-16, подожгли его.

Подоспевшие «мессершмитты» обрушились на единственный уцелевший русский истребитель. Веер снарядов и пуль прошил корпус, кабину, ранил летчика, успевшего огрызнуться остатком патронной ленты. Но судьба И-16, как и двух его друзей, была решена. Пилот пытался набрать высоту, выжимая из двигателя все возможное, но повреждения были слишком тяжелые.

«Мессершмитт», пристроившись в хвост, ударил снизу вверх. Угодил снова в корпус и кабину. Зрелище было тягостное. Горела обшивка, виднелся перебитый каркас, каким-то чудом не развалившийся. Раненый пилот, израсходовав боезапас, продолжал тянуть обреченную машину в сторону степи.

– Прыгай, чего медлишь! – кричали с берега моряки и размахивали руками.

Развязка наступила быстро. Часть корпуса вместе с килем отвалилась и полетела вниз. Уже ничто не могло остановить беспорядочное падение исковерканной машины. Войдя в штопор, истребитель вращался и падал с такой быстротой,

что у летчика не осталось шансов покинуть кабину и воспользоваться парашютом. Взрыв – и облако дыма поднялось над обрывом.

– Троих... троих за минуту, – молотил кулаком по люку башни один из артиллеристов-близнецов. Казалось, что он сейчас заплачет, но его втянул внутрь второй близнец:

– Успокойся, Антон. Слышь, успокойся.

Во время боев в Испании, когда немцы впервые столкнулись со стремительными И-16, они окрестили их «крысами». По-немецки это слово выражает цепкую хватку, быстроту и смелость. Тогда наши И-16, или «курносые», как называли их испанцы, превосходили первые варианты «мессершмиттов» по скорости и вооружению. А смелости «сталинским соколам» было не занимать.

Но многое изменилось с 1936 года. Почти на сто километров увеличилась скорость «мессершмиттов» новых модификаций, они несли, кроме пулеметов, по 2–3 пушки, цельно-металлический корпус был не сравним с деревянным, как ты его ни расхваливай.

Тройка устаревших И-16 приняла, по сути, безнадежный бой с восемью вражескими самолетами. Сумели даже нанести какие-то повреждения двум «юнкерсам». Но самое главное – доказали, что русские не сдаются и будут воевать до последнего.

Наверное, экипажи немецких самолетов, переговариваясь

по рации, смеялись, хвалили друг друга, как лихо расправились с тремя русскими истребителями. Но вряд ли этот смех был очень веселый. Слишком яростными и отчаянно смелыми были атаки русских. Пули били по немецким самолетам, оставили несколько дырок в корпусах и кабинах. Кому-то из летчиков просто повезло, но вряд ли это везение будет длиться долго.

Город разбомбили месяц назад. Тогда же стояли у стен Сталинграда танки, судьба города должна была решиться в считанные дни, до наступления осени. Но проходили недели, стала холодной и темной вода в Волге, опадали листья и подступали холода, предвестники русской зимы. Город продолжал держаться. И завтра, пусть послезавтра, появятся другие русские самолеты. Может, те же деревянные И-16, а может, что-то новое, более мощное. И драться они будут с не меньшей злостью.

А на катерах повисло тягостное молчание. Изредка кто-то матерился. Все курили, наблюдая за тающими столбами дыма на месте падения наших истребителей.

– Вот такая война, – задумчиво проговорил лоцман. – Счет три-ноль, если не считать поврежденных немецких самолетов. Но они домой доберутся.

Полковник, которому предстояло плыть на катерах до Красной Слободы, успел снова выпить и бодро проговорил, обращаясь к лоцману:

– Ничего, батя. Сталинград мы им не отдадим. Подавятся,

сволочи!

Лоцман, куривший трубку, набитую пахучим самосадом, оглядел полковника, странно усмехнулся:

– Считаете, все нормально? Германцы в небе как хотят рыскают, маршевую роту раскатали. Яму для погибших полдня рыли. Появились наши истребители, а их за десяток минут в землю вогнали.

– Только не надо паники! – выкрикнул полковник. – На войне всякое бывает.

– Всякое, – согласился лоцман. – Ну, да вам все ничего. Роту постреляли, три самолета сбили, пароход и тральщик по дороге потеряли. Для вас, я погляжу, это мелочи жизни. Умелые у нас командиры, заботливые.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.